

наш
XX
век

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

ВАРЕННИКОВ

ТОМ 1

НЕПОВТОРИМОЕ
О МИРЕ И ВОЙНЕ. ПАРАД ПОБЕДЫ
ЖИЗНЬ БЕЗ ВОЙНЫ

Наш XX век

Валентин Варенников
Неповторимое. Том 1

«Центрполиграф»

2001-2002

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Варенников В. И.

Неповторимое. Том 1 / В. И. Варенников — «Центрполиграф»,
2001-2002 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07926-8

Воспоминания выдающегося военачальника и общественного деятеля, Героя Советского Союза генерала армии Валентина Ивановича Варенникова «Неповторимое» впервые были опубликованы в 2001—2002 годах. В настоящее трехтомное издание вошли все одиннадцать частей воспоминаний, представляющих большой интерес как для специалистов-историков, так и для самого широкого круга читателей. Первый том включает рассказ о начале жизненного пути автора, в 18 лет ставшего защитником Родины, о Великой Отечественной войне и Параде Победы, о сложных условиях перехода армии к мирной жизни, службе в Группе Советских оккупационных войск в Германии, в Заполярье. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94

ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07926-8

© Варенников В. И., 2001-2002

© Центрполиграф, 2001-2002

Содержание

Сын века	6
Предисловие	8
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое
Том 1

© Варенников В.И., наследники, 2023

© «Центрполиграф», 2023

Сын века

Самодовольный оптимизм: «Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров» – потерпел крушение еще в черные дни Голгофы – человечество предало самое себя. Но что бы ни было, оставался в течение всех перепадов истории островок непреходящей надежды вместе с нравственно-этическим кодексом непокорных: «Встать и не сдаваться».

Гигантская страна, родина величайшей литературы и русского патриотизма, исповедуя этот кодекс, создала в борьбе и страданиях мощное государство еще не виданной в мире социалистической структуры, удачливо просуществовавшей едва ли не целый век. Немецкая же нация, столица музыки всех времен, превратила убийство в государственную идею, в индустрию, а патриотизм в кровавую любовь к германской отчизне, считая самым красивым цветом на земле вспышки пулеметных очередей. Война этих двух систем потрясла мир, принесла победу и много бед и ран советскому социализму, которые народ с самоотверженной доблестью залечил в короткий срок.

Эта великая война родила особый вид людей, отвергнув унылую формулу: на войне смерть всегда единственный победитель. Нет, победили непокорные, они вынесли все, что может вынести убежденный в своей правоте человек, многое поняли, помудрели – и назвать их можно лучшими представителями нации, честью и гордостью ее.

Таким я вижу Валентина Ивановича Варенникова, чья славная биография началась с сорок второго года от Сталинграда, прошла через всю войну, до поверженного Берлина, до исторического Парада Победы в Москве, и здесь, уже в столице, Варенникову была оказана честь командовать почетным караулом и принять Знамя Победы на Центральном аэродроме. На победном параде послевоенная служба Варенникова не заканчивалась, а только начиналась.

Генерал Варенников один из самых образованных и эрудированных современных военачальников – окончил Военную академию Генерального штаба и Высшие академические курсы Генерального штаба. Будучи Главнокомандующим Сухопутными войсками ВС – заместителем министра обороны СССР, поддержал в августе 1991 года выступление ГКЧП, когда стало особенно ясно, что после нескончаемых антинародных предательских реформ Горбачева и Ельцина Советскому Союзу и России угрожает бесславная гибель, прямое насилие над вековой идеей общности, разлом экономики, саморазоружение недавно сильнейшей армии, происходит унижение, непристойное загрязнение и вытаптывание народной истории, превращение могучей русской и советской культуры в навоз для сверхпошлых шоу американского покроя, когда обессилена защита гражданских свобод, вседозволенность, а кризис идеологий, политическая ложь возведены в статус правды, когда узаконены разрушительные тенденции, болезненные комплексы и извращения, когда нарастает борьба всех против всех, ненависть к ближнему – не это ли все разительные признаки надвигающейся деградации страны и каждого русского человека в тисках отчужденности? Не это ли все обещанное демократами счастливое будущее, то есть – безнадежность пустыни?

В связи со многими причинами ГКПЧ не достиг своей цели, и вместе с главными участниками этого сопротивления Варенников был арестован и помещен в тюрьму «Матросская Тишина». В 1994 году он отказался от амнистии, потребовал суда, и суд оправдал его за отсутствием состава преступления. Ельцин и Генеральная прокуратура опротестовали приговор, но состоялся третий суд в составе Президиума Верховного Суда, и Варенников был окончательно оправдан.

Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, так много сделавший для армии, известный каждому в нашей стране общественный деятель, генерал армии Варенников никак уж не совместим с образами паркетных услужливо-придворных генералов, которых в годы так называемых реформ стало немыслимо много, мнится, больше, чем солдат. Варенников

заслужил всероссийскую популярность еще и тем, что, работая в Думе, он стал совестливым поборником социальной защиты ветеранов, инвалидов войны и военной службы, президентом Российской ассоциации Героев. Вся жизнь генерала даже не дает воспаленному воображению представить, чтобы он хотя бы на минуту стоял на позиции, противной духу народному.

Читатель, взяв в руки книгу Валентина Ивановича Варенникова «Неповторимое», с неисчезающим интересом погрузится в неповторимое, переполненное событиями и движением время, которое прошел замечательный и доблестный сын века, для кого голый культ власти, как самодовлеющей цели, как власти для самой себя, не имел значения. Варенников из тех редких людей, чьей жизнью управляют долг, необходимость и воля, а не случай.

Юрий Бондарев

Посвящается соотечественникам и особо – офицерскому корпусу

Предисловие

Повествование, названное мной «Неповторимое», вызвано многими обстоятельствами. Но принципиальным является одно – почему после блестящей победы советского народа в Великой Отечественной войне и стремительного развития нашей Великой державы вдруг постигла ее катастрофа, в результате которой был разрушен Советский Союз.

Первоначально задумывалось представить только период с 1985 года и по сей день, то есть затянувшуюся страшную трагедию, которую переживает наш народ и сейчас. Однако друзья и товарищи настояли, и я согласился, чтобы был описан весь жизненный путь, тем более что имею прямое или косвенное отношение ко многим событиям, которыми XX век наполнил планету в целом, и особенно наше Отечество.

Принятие такого решения объясняется также и тем, что псевдodemократы, коварно обманув народ, пришли к власти и, долгое время не зная, что с ней делать, начали «перекраивать» историю, выбрасывать из нее все, что связано с советским прошлым. Они насильственно вдалбливают народу мысль о том, что правда лишь то, что было до октября 1917 года. Дальше правда имеет свое продолжение с конца 1991 года. И что именно только это время – лучезарно. А вот 74 года советской власти – это был крошечный ад: полное отсутствие демократии, лишение человека его прав, аресты, расстрелы, ГУЛАГи, тирания...

Конечно, это ложь, и ее надо опровергнуть. Поэтому я решился на долгий путь описания, что потребовало многих лет и значительных сил. Идя по жизненной канве, я попытался выполнить эту задачу путем прямого разбора событий, иногда сопоставляя эпизод из прошлого с тем, что происходит с нами сегодня. Незначительные повторения сделаны умышленно, чтобы заострить внимание.

Многое уже народу известно. Мои повествования не должны показаться читателю банальными по причине добавления мной еще никому не известных моментов и представления официальных (в том числе неопубликованных) документов. Плюс – беспристрастные оценки человека, лично пережившего тяжелые изломы, но никогда не менявшего своих принципов и жизненной позиции.

Событий, к которым мне пришлось иметь отношение, было предостаточно. Защита Отечества на фронтах Великой Отечественной войны. Парад Победы. Послевоенная служба: длительно – в Заполярье, непродолжительно – в Группе Советских войск в Германии, основательно – на западе Украины. И везде свои особенности, черты характера народа и воинов, свои традиции и неписанные законы.

Но работа в Генеральном штабе подключает меня в высшую сферу. Отсюда постоянные рабочие контакты с МИД, КГБ, Совмином, ЦК КПСС, Советом обороны – события, лица, уроки. Новые вооружения, развитие советской военной науки, стратегические учения. Особое место отведено пребыванию на фронтах в Анголе, Сирии, Эфиопии. Отдельно выделены: Афганистан – неоднозначные подходы и оценки; южнокорейский лайнер (как это было); Чернобыльская катастрофа; Вооруженные Силы в условиях падения государства в целом.

Наконец, трагедия страны на рубеже августовских событий 1991 года. Однако даны и поучительные причинно-следственные связи с тем, что было до этого, и принципиальные уроки и выводы из преступной перестройки и предательских реформ. Арест. Три суда, но оправдательный приговор. Работа в Государственной думе. Смена власти. Надежды на возрождение.

«Неповторимое» не отделяет военную область от жизни всего нашего общества. При этом никаких политических пристрастий – это главный принцип, который автор стремился выдерживать в своем повествовании. Значит, приглашаются к ознакомлению с «Неповторимым» все социальные слои и возрасты нашего общества.

Но какие бы обобщения ни делались и какие бы оттенки ни имела наша жизнь, все-таки через все одиннадцать частей в «Неповторимом» проходит военная струя. Поэтому офицерам нашей страны это не может быть безразлично. Да и посвящено все в основном офицеру.

Автор совершенно не претендует на литературное совершенство, но правдивость и объективность гарантированы. В то же время автор надеется, что это повествование должно внести свой вклад в борьбу за возрождение былого величия нашего Отечества.

Часть I

Начало пути

Глава 1

У каждого свое детство и свое отрочество

*Краснодар – не Екатеринодар. – Родители и близкие. – Безвременная смерть матери. – Микоян. – Мы в Москве. – Промакадемия. – Впервые о Сталине. – Абрау-Дюрсо, конечно, райский уголок, но какие неожиданности! – Дыхание НКВД. – Наша судьба пред-
решена*

Всякий из тех, кому довелось бывать в горах, хоть однажды испытал нечто близкое к потрясению. Вот ты вскарабкался на вершину, встал во весь рост, распрямился, глянул вниз и... замер: что за чудеса вокруг! Город, который ты знал как свои пять пальцев, знакомый чуть ли не с младенчества дом с резным крылечком и даже самые заметные «казенные» здания – все вдруг куда-то исчезло, провалившись, словно Атлантида, в мягкое, струящееся море. Только изредка в его «прогалинах» мелькнет то черепичная крыша жилого дома, то золотом горящая луковица церквушки, а потом снова все скроет легкая, похожая на туман голубая дымка.

Вот так и иные годы, десятилетия, отделяющие меня сегодня от раннего детства, тонут в дымке времени. Многие утекло безвозвратно, лишь отдельные – самые яркие – эпизоды остались в памяти. Их просто невозможно забыть. Они-то плюс долгие вечерние разговоры с отцом, когда он еще был жив, особенно о матери, ушедшей от нас очень рано, берегут душу и пробуждают воспоминания.

И тогда я неизменно обращаюсь к своим истокам, к своим корням – моей малой родине.

Людям свойственно восхищаться родными краями – каждый кулик свое болото хвалит. Что ж, это понятно и достойно уважения: беречь надо это доброе чувство и заботиться о том, чтобы оно сохранялось в сердце. Ведь, если вдуматься, с любви к ней, малой родине, начинается любовь к Отечеству, к нашей общей большой Родине, породившей и взрастившей нас.

Так вот, моя малая и милая «отчина» – это Краснодарский край, и рассказывать о нем я могу без конца. Говоря о Краснодарском крае, никак не забыть, что именно здесь самые плодородные земли, огромный узел железных, морских, речных, а сейчас и воздушных путей; развитые промышленные и сельскохозяйственные районы, научные и культурные центры. Именно здесь в этом веке происходили важнейшие социально-политические события. На изломе жизни нашего народа край фактически всегда был в эпицентре событий. Созданная черноморскими казаками еще в конце VII века, крепость Краснодар оказывалась объектом разрешения споров с помощью оружия. Поворотным моментом в ее истории стало присоединение Западного Прикавказья, в том числе и Северного Кавказа, к России. Через сто лет Краснодар превратился в крупный торговый, промышленный центр и, подобно магниту, притянул к себе не только сливки, но и дно общества. А то и другое, как известно, имеет место быть в любом государстве. Когда говорят о революционном движении в России, в первую очередь называют Москву и Ленинград, хотя в других крупных городах оно также развивалось. Это касается и Краснодара. Уже в конце XIX века здесь зарождаются рабочие кружки, а в 1902 году возникла социал-демократическая организация. В следующем году появляется городской, в 1904-м – Кубанский областной комитет РСДРП, возглавивший революционное движение в крае во время первой русской революции. В ходе октябрьской (1905 года) Всероссийской политической стачки был создан Екатеринодарский городской совет. Он ввел на всех предприятиях города 8-часовой рабочий день. После Февральской революции 1917 года город стал центром

казачьей контрреволюции. Ее возглавила Кубанская рада. Однако в марте Советская власть здесь опять восстанавливается, идут тяжелые бои с Добровольческой армией. В середине 1918-го Екатеринодар становится центром Кубано-Черноморской Советской Республики. Казалось, жизнь стабилизируется. Но нет, в августе того же года город опять переходит в руки белогвардейцев, и лишь весной 1920-го, после разгрома Деникина, край окончательно освобождается Красной армией. Одни эти перечисленные мною события начала века уже о многом говорят. И то, что так талантливо описано Шолоховым в романе «Тихий Дон», полностью относится к Кубани. Что же характерно для того времени? Переход власти из рук в руки. Жесточайшие расправы с противниками, попавшими в плен, просто сочувствующими и часто совершенно безвинными. Полное непонимание большинством населения того, что на самом деле происходит, какие цели ставит та и другая сторона. Конечно, тяжелые испытания оставили свой след не только на политической судьбе края, но и в душах человеческих. Происходившее на Кубани стерло границы края. События, зарождавшиеся здесь, распространялись по всему югу европейской части России, в том числе на Северном Кавказе. Екатеринодар – название города, данное в честь российской императрицы, – был переименован в Краснодар. И он стал символом дарения людям светлого, справедливого начала в городе Красном.

Теперь о родителях, близких, друзьях семьи.

Моя матушка, Мария Алексеевна Шкорина, казачка во всех поколениях, родилась в Краснодаре в 1900 году в семье потомственного ремесленника. Дед Алексей в молодости жил в станице Пашковской. Затем переехал в Краснодар, женился, с помощью своих родителей и родителей жены построил добротный дом. Был известным в городе мастером по шитью сбруи. Слыл очень трудолюбивым и старательным человеком. Его дети – два сына и две дочери – получили определенное образование. Сыновья окончили церковно-приходскую школу, а дочки учились в гимназии. Моя мать еще успела закончить гимназию, а ее младшей сестре, в связи с событиями Февральской революции 1917 года, не довелось.

Матушка была очень доброй. Это качество она унаследовала от своей матери. А еще она была исключительно красивой. Ею открыто восхищались. Она вышла замуж за моего будущего отца, который был старше ее на пять лет. Через год родила ему сына Ванечку. Но малышу не суждено было долго жить. В два годика он стянул на себя со стола большую кастрюлю с кипятком и погиб. Бабка Евдокия не корила дочь за то, что та недосмотрела, но строго втолковывала ей: они с моим отцом сделали ошибку, назвав первенца Иваном. Это плохая примета. Первенца следует называть в честь деда, прадеда, их братьев, но не именем родителя. А вот последующих детей называйте, как душе угодно. Такие уж понятия были у казачек.

А еще через год появился я. Мы жили не у деда, а в центре города, на улице Красной – снимали комнату во втором этаже. Со мной тоже произошла история, которая могла окончиться трагедией для семьи. В один из дней я, трехлетний пацан, пользуясь занятостью матери, проник на балкон, пролез между металлическими прутьями и сорвался... Но в последний миг руками вцепился в эти прутья и повис. Естественно, начал орать так, что сбежался весь дом. Мама тут же вытащила меня из бездны, сгребла в охапку, и мы с ней, трясаясь от страха, проревели до прихода отца. Подробности моего «подвига» он рассказывал мне много лет спустя. Говорил, что мать после этого случая стала носиться со мной как с писаной торбой – никуда одного не отпускала.

Именно тогда родители почувствовали в Краснодаре нечто недоброе. Им казалось, что здесь их преследует злой рок. И они в том же году переезжают в Темрюк, на Азовское море. Отец к тому времени уволился из армии, окончил курсы организаторов производства и уже устроился работать. Однако на курсах он познакомился с неким Куциным. У этого человека не было определенных политических взглядов, зато он слыл мощным экономистом и организатором, имел высшее образование, в общении привлекал обходительностью, обаянием. Куцин и сагитировал отца перебраться в Темрюк, где сам был директором консервной фабрики, пред-

ложив моему родителю должность своего заместителя. Через годы я понял, что он для отца стал фактически учителем. А ему, Куцину, в то сложное время нужен был на производстве комиссар, который бы мобилизовывал людей, поддерживал дисциплину. Вот он и остановил свой выбор на отце. Родитель мой, Иван Евменович, тоже казак, но воронежский. Дон пересекает эту область по вертикали – с севера на юг, и все притоки, речушки, начиная с Ведуги и заканчивая Черной Калитой, Богучаром и Хопром, конечно, были местами казачьими. Дед Евмений и бабушка Аксинья проживали в селе Рубашевка, что на реке Битюг. Кстати, неожиданным, удивительным было здесь название районного центра – Анна. Населенный пункт словно очеловечен: раз услышишь его название – уже не забудешь. Дед и бабушка имели трех сыновей – Василия, Ивана, Михаила, а также двух дочерей – Александру и Анюту. В начале 1905 года дед отправился на заработки в Оренбург и... пропал. Грозное, кипящее было время. Все заботы легли на плечи бабушки. Старшие дети подрабатывали, младшие учились в церковно-приходской школе, помогая матери вести хозяйство. Но жизнь становилась все тяжелее. И вот семья вначале распродала имевшуюся живность, затем – имущество. Вскоре дети похоронили мать. Они крепко держались друг за друга, хотя братья и разъехались в разные места. Мой отец вначале работал в Анне, в местной типографии. Здесь вступил в РСДРП, отсюда был призван в армию. Революционные потоки втянули его, как и миллионы других, в Гражданскую войну. Позже он, уже на Кубани, нашел себе жену, создал семью. ...Жизнь в Темрюке, небольшом провинциальном городишке, куда мы переехали из Краснодара, была спокойной. Наша семья и семьи директора завода и главного инженера дружили. Частенько выезжали на Азовское море. В те дни никаких туч на горизонте не было. Мне запомнился вот какой случай. Однажды женщины, забрав детей, отправились на море. Уютно устроились на пляже, малышня барахталась у берега, а матери купались неподалеку. Вдруг послышались крики, началась суматоха. Все ринулись к берегу, а когда вышли из воды, то моя матушка достала из купальника большую рыбину. Та, как в сачок, попала туда во время ныряния. Надо сказать, в Азовском море тогда было очень много рыбы. Вот почему почти в каждом приморском городе имелись свои консервные заводы.

ЧП с рыбиной всполошило присутствующих. Все единогласно решили: морскую «гостью» надо бросить в море, что и было сделано. Женщины крестились, глядя ей вслед, чтобы та долго жила. А потом сказали матери, что у нее скоро будет ребенок. Такое вот, оказывается, бытовало народное поверье.

Странно, но этот случай остался в памяти на всю жизнь.

Снова и снова мысленно возвращаюсь я в тот день в Темрюке. Разойдясь по домам, женщины долго еще галдели насчет матушки. Вечером, уединившись, мои родители тихо о чем-то беседовали. Спустя несколько дней я узнал, что мы поедем в отпуск на Черное море, что, вообще, возможно, обоснуемся там на жительство. Почему? Оказывается, для здоровья отца тот климат лучше подходил: у него после ранения было заболевание легких...

Сейчас я думаю: как все было просто тогда! Захотели – поехали на новое место, не боясь остаться без работы и без средств к существованию.

Каким контрастом предстает наша нынешняя жизнь по сравнению с той, которую мы потеряли! Приведу сообщение газеты «Советская Россия» (08.02.97) о происходящем в Северодвинске Архангельской области.

Рассказывает Римма Николаевна Степанова, заместитель председателя профкома «Севмашпредприятия» (это промышленная жемчужина нашего атомного подводного кораблестроения): «Ситуация в городе страшная. Люди по 4–8 месяцев не получают заработной платы, но продолжают трудиться... Мы отдаем государству военные заказы в долг, не получая за них ничего. Люди накалены до предела...»

Степановой вторит Людмила Чернышева, председатель совета женщин того же завода: «...У нас были лучшие детские сады, к нам ехали за опытом со всей страны, мы имели вели-

колепные учреждения культуры. А уж о том, чтобы не было работы или зарплаты, и говорить не приходилось... Четыре года шла Великая Отечественная война. Фашисты не смогли поставить нас на колени, потому что каждый чувствовал за своей спиной государство и его заботу. А сейчас? За пять лет „реформ“ люди выстроились в очередь с протянутой рукой. Это мы-то – в положении нищих!»

Позор! Жители северного города, которым и не снилось, что они станут нищими, требуют от президента и правительства конституционного права на труд и его оплату. Они, как и все люди России, не смиряются с тем, что их выбросили за борт жизни. Но вот что примечательно: здесь обнаружилась новая тенденция – у рабочих, учителей, врачей, транспортников появилось чувство солидарности друг с другом, чего не замечалось прежде. Многие еще хорошо помнят речь Ельцина на первых президентских выборах в 1991 году. Тогда в ответ на обращение Союза женщин России он обещал скорый выход из «кризиса». Да только по сравнению с тем, что в 1999 году творится в Северодвинске, тот «кризис» кажется раем. Материал журналиста Ж. Касьяненко назван предельно точно: «За жестокие опыты над северодвинцами надо судить, как за преступления против человечности». Такие вот разительные контрасты. Солнечный летний день на Азовском море в далеком, но куда более комфортном для народа прошлом, когда после Первой мировой и Гражданской войн утекло всего несколько лет, и мой зимний вечер в Москве над газетной страницей, поведавшей о сегодняшних «демократических» реалиях постсоветской России, когда после Великой Отечественной войны минуло более полувека, но стало хуже, чем до войны. Человеку моего поколения не думать об этом, не сопоставлять подобные факты и ситуации просто невозможно. Мысли о пережитом, как говорится, бывшее и думы не оставляют ни на миг. ...Прошло месяцев пять-шесть, мы отправились в путешествие. Мне было шесть лет – рос нормальным для своего возраста мальчишкой, непоседой. Сначала мы жили в Хосте, это небольшое городишко под Сочи. Затем переехали в Новый Афон, около Гагры. Наконец, решили податься в Сухуми. В дороге матушке стало плохо. Когда добрались до города, отец сразу отвез ее в больницу – она ждала ребенка. В Сухуми у родителей была знакомая семья, где мы собирались остановиться (по их приглашению), но обосновались все-таки в гостинице. Три раза в день навещали матушку. Фактически – ходили вокруг больницы целый день. Все ждали – вот-вот случится «это». Первые два дня она чувствовала себя нормально. На третий – отец утром ушел и пропал. Часа через два или три он появился, разъяренный, с заплаканным лицом, в сопровождении двух мужчин в белых халатах. Это были врачи, грузины. Очень громко, почти крича, отец говорил мне: «Смотри, сынок, вот эти гады загубили твою маму, запомни их!» И, уже обращаясь к ним, требовал, чтобы немедленно провели нас обоих в морг. Те его отговаривали, дескать, нет разрешения. Отец обещал разнести их больницу в пух и прах, если немедленно не отведут нас к покойнице. Врачи поняли – положение безвыходное, и выполнили его требование. Кажется, и теперь та картина стоит перед глазами. Тело матери находилось среди других покойников. Нас подвели к ней, сдернули простыню. Она была в белой ночной сорочке, с растрепанными волосами, с запекшейся пеной у рта, с опавшим животом. Отец как стоял, так и припал к ней, рыдая и проклиная все на свете. Я не знал, что делать, просто не мог поверить, что остался без матери.

На всю жизнь запомнил свесившуюся вниз материнскую руку.

Взял ее в свои ладошки и почувствовал, какие холодные у нее пальцы. Все старался их согреть.

Потом врачи стали уговаривать нас уйти...

Дальше – точно во сне. Отец отвел меня в гостиницу, а сам весь день мотался по городу, организуя похороны. Вернулся поздно, измученный и усталый. Ночью часто вставал, ходил, опять ложился. Рано утром мы отправились в похоронное бюро, где он, оказывается, уже был вчера. Отец все оговорил, внес плату за катафалк и другие услуги. Затем мы добрались до кладбища, что на юго-восточной окраине города – называлась она, эта окраина, Синоп. Здесь было

много старых захоронений. Отец позвал могильщика и пошел с ним к тому месту, где будет покоем матушка. Поблизости, как сейчас помню, росли пальма и много больших деревьев...

Договорились, что к обеду могилу выроют. Отец расплатился, мы отправились в больницу. Там уже собирались люди, чтобы проводить покойницу в последний путь. Пришла в том числе и семья, с которой были дружны мои родители. А еще, наверное, их знакомые, близкие, всего человек двенадцать – пятнадцать. Через некоторое время отец вернулся из больницы, сказал, что покойницу обмыли, сейчас ее надо одеть. Попросил трех женщин помочь – они пошли за ним.

Подъехала арба, привезли тахту и несколько стульев, все это было расставлено здесь же, у больницы. Гроб, оказывается, доставили еще раньше. Через некоторое время матушку вынесли, открытый гроб установили на тахте. Все целовали покойницу в лоб, плакали, прощались, но я не верил – никак не верил! – в то, что она от нас ушла навсегда.

Через много лет, когда закончилась война, отец, выйдя на пенсию, поселился в Сухуми. Я приезжал к нему, мы долгими вечерами беседовали, вспоминая прошлое, прежде всего мою мать. Казалось бы, годы должны были сгладить пережитое, тем более что у него была другая семья, но отец всегда с нежностью отзывался о матери, с негодованием говорил о тех, кто ее лишил жизни. Слово «убийцы» и через многие годы срывалось с его уст.

Я, конечно, разделял его настроения, потому что никаких оснований для смерти цветущей двадцатидевятилетней женщины, у которой были уже третьи роды, не могло быть. К тому же матушка, объяснял мне отец, обладала абсолютным здоровьем, никогда не болела. Ее убили, но доказать это оказалось невозможно.

Не знаю, кому мешала моя добрая мать, кто свел с ней счеты. А может, не с ней, а с отцом? Я не поручусь, что в тогдашней бурлящей жизни у него не было врагов. И даже таких, о существовании которых он мог и не подозревать...

...В Сухуми мы прожили еще три-четыре дня. Утром отец уходил с чемоданом на базар – продавать вещи, в основном матушкины, чтобы рассчитаться с долгами за похороны. А мне он наказывал: за тобой, мол, зайдут, накормят, и не смей никуда отлучаться.

Действительно, по утрам ко мне приходили две незнакомые женщины, водили в чайную, кормили и приводили обратно. Позже одна из них стала женой моего отца, вторая была ее сестрой.

Каждый день после похорон, ближе к вечеру, мы с отцом ходили на могилку матери. Что потом? Обратный путь в Темрюк, уже без матери, без вещей и, как я понял, без денег. Это было полное опустошение – моральное, физическое, материальное.

В Темрюке нас ждал сюрприз. Позаботился начальник и друг родителя Куцин: отца назначили директором небольшой консервной фабрики в станице Крымской (сейчас – город Крымск). Мы сразу же переехали туда. Оба жили на фабрике. Там же и питались.

В это время как раз заканчивалась наладка производственных мощностей построенного по соседству завода-гиганта (по тому времени). Вскоре была запущена первая линия. Отца переводят туда заместителем директора, а директором – вот радость! – становится Куцин. Мы с отцом сняли двухкомнатную квартиру с отдельным входом у зажиточного жителя станицы. Называли его почему-то «кулаком».

Шел 1930 год. В один из выходных отец привел меня на завод и стал знакомить с производством. Объяснял все популярно. Конечно, у меня, мальчишки, дух захватило. Все казалось сказочным. Только сказка была реальностью. Много позже, когда я уже был взрослым человеком, отец рассказывал о своем могучем заводе, о Микояне, наркоме пищевой промышленности, который тогда частенько посещал Крымский консервный завод – ведь это был один из первенцев пищевой промышленности того времени. А еще я знал, что Анастас Иванович интересовался у отца его отношением к учебе...

1931 год был полон событий. Во-первых, мы его встречали не вдвоем, а втроем: приехала из Сухуми Клавдия Моисеевна, ставшая женой отца. Во-вторых, весной мы переехали в построенный заводом трехэтажный дом, который казался мне дворцом. В-третьих, я пошел в первый класс. В-четвертых, осенью того года отец уехал в Москву, его зачислили слушателем Промышленной академии имени Сталина. Она находилась в то время у Красных Ворот.

Учитывая, что нас с Крымской и заводом уже ничего не связывало, мы с Клавдией Моисеевной сначала переехали в Сухуми, где поселились в доме ее матери, а в декабре добрались до Москвы.

Отец к тому времени получил комнату в академическом семейном общежитии. Комната была большая, светлая, нашей семье в ней было удобно. А семья к тому времени состояла уже из четырех человек: Клавдия Моисеевна родила дочь, у меня теперь была сестра Леночка.

В целом жили нормально. Никаких потрясений или скандалов, но вспышки – случались. Первая – еще в Крымской, у «кулака». Хозяин имел огромную собаку, держал ее на цепи. Помню, хозяин часто говорил мне (отцу, разумеется, не смел) разные грубые слова; я решил в отместку отыгаться на его собаке: длинной палкой загонял ее в будку и шуровал там.

За поединком наблюдали, спокойно сидя у окна, «кулак» с женой и Клавдия Моисеевна. Посматривая на зрителей, я решил блеснуть бесстрашием. Но у пса кончилось терпение, он вылетел из будки и дал волю клыкам... Я кричу! Клавдия Моисеевна, причитая, тащит меня в дом, промывает раны – они оказались серьезными. Мы оба испугались. Она помчалась на завод к отцу.

Вместе с ним, втроем отправились в больницу, где мне обработали раны, сделали укол от бешенства. Вечером у родителей состоялось тяжелое объяснение. Отец громко и раздраженно заявил: «Если ты и дальше будешь так смотреть за ребенком, то все плохо кончится!»

Вторая вспышка была тяжелее. Как-то поздно вечером поначалу у них шел нормальный разговор, но потом начался крик. Клавдия Моисеевна стала звать меня. Я увидел их по обе стороны стола. В руках у отца – наган. Она кричала, чтобы отец бросил оружие, и просила меня помочь... Тогда я не понимал, чем вызвана ссора, но, став взрослым и вспомнив об этом случае, попытался у отца прояснить случившееся.

Отец без особой охоты рассказал, что Клавдия Моисеевна со своей старшей сестрой была на похоронах моей матери. Там они и познакомились. Будущая мачеха приглядывала за мной после похорон. Прошло более года – и Клавдия Моисеевна соединила свою судьбу с отцом. Но, оказывается, она скрыла, что у нее есть ребенок. Ссора произошла именно по этой причине.

Ее сын Анатолий в нашей семье не появился. Видно, таким было условие отца. Воспитывался мальчик у бабки в Сухуми. Отцом его был грузин без определенных занятий. Жениться на Клавдии Моисеевне, по всей видимости, он не собирался. А в 1930-х годах отец Анатолия при неизвестных обстоятельствах погиб.

Помню еще одну вспышку. Она произошла позже, когда мы приехали вслед за отцом в Москву. Я был очень худой, родитель посчитал, что меня плохо кормили. Возможно, он был в какой-то степени прав, мачеха смотрела за мной неважно, хотя никогда не била, просто не обращала внимания на мальчонку. А я был стеснительный и, несмотря на малые года, гордый.

Тогда отец в моем присутствии прямо сказал жене, что если это будет продолжаться, то он с ней расстанется. Кажется, сильно подействовало. Видно, перспективы, открывавшиеся перед отцом по окончании академии, были для нее заманчивыми. Словом, ситуация требовала от нее быть по отношению ко мне, как минимум, лояльной.

Со временем все нормализовалось. Без преувеличения могу сказать: семья у нас была благополучной. Лишь одна проблема оставалась неразрешенной. Клавдия Моисеевна в беседах со мной настоятельно просила, чтобы я называл ее мамой, я отвечал упорным молчанием. Тем самым я давал понять, что не стану этого делать. Причина одна: она, на мой взгляд, не была со мной искренна, частенько наговаривала на пасынка отцу. Тот пытался вникнуть в суть, задавал

вопросы, а если я на них отвечал молчанием, он понимал: мачеха говорила неправду. Потому я по-прежнему и называл ее Клавдией Моисеевной. Кстати, отец и сестра Леночка никогда не упрекали меня за это. Жизнь в Москве бурлила. Население столицы в 1930-х годах быстро увеличивалось. И это несмотря на то, что Первопрестольная послала на село – для оказания помощи в коллективизации – самое большое количество рабочих. Общая численность жителей в главном городе страны за короткий срок возросла на несколько сот тысяч. Особенно быстро прибывали научные работники, деятели культуры, искусства. В 1934-м в Москву из Ленинграда перевели Академию наук СССР, о чем нам сообщил отец. Рассказывал он и о различных международных конференциях, конгрессах, которые проводились в то время в столице. Конечно, я не мог детским умом постичь даже малой части того, о чем вел речь отец, но то, что он считал это очень важным, поднимало настроение. Не стану скрывать: вызывало гордость за отца и еще одно обстоятельство. Он вошел в группу коммунистов, которым доверили проводить чистку в партийной организации академии. Отец учился на строительном факультете. А на текстильном – четырьмя курсами старше – занималась жена Сталина, Надежда Аллилуева. Отцу учеба давалась вначале тяжело, особенно первые два года. Приходилось параллельно с обучением по программе проходить курс на подготовительном факультете: он предназначался для тех, кто не имел среднего образования. Короче, несколько лет отец учился с двойной нагрузкой. Приходил домой поздно, после ужина продолжал корпеть над учебниками, с карандашом в руках изучал записанные лекции, старательно выполнял домашние задания. Плюс – общественные заботы. Ясно, в те годы я не мог делать каких-то обобщающих выводов. Но позже осознал и мудрость, и твердость политики, суть которой сводилась к лозунгу – «Кадры решают всё!». Эта линия прослеживалась в стране на протяжении десятилетий. А теперь о том, что по времени очень близко... И тоже связано с тем знаменитым лозунгом. С Василием Александровичем Стародубцевым мы знакомы еще с тех пор, когда оба были народными депутатами СССР. Мне импонировала его хватка, железная логика, напор, с каким он отстаивал такие блага для села, которые считал жизненно важными, и разоблачал действия Горбачева, фактически направленные на разрушение аграрного сектора. «Не зря человеку дали Героя Социалистического Труда, избрали председателем Всесоюзного крестьянского союза...» – не раз думал я про себя, наблюдая «баталии» Стародубцева.

В августе 1991 года судьба свела нас по делу ГКЧП, куда он попал не случайно, а как самый авторитетный человек в стране по делам сельского хозяйства, наиболее принципиальный руководитель. В беседах с ним, а это душевный, открытый и честный человек, я узнал о его родителях, родственниках, близких. Стародубцевы родом из Тульской области. Отец Василия имел два класса образования. В годы войны солдатом сражался под Сталинградом, и, выходит, он по войне мне «земляк». Был ранен. А потом прошел пол-Европы до самой Победы.

Ну а мать Василия Александровича вообще была неграмотная, зато – очень трудолюбивая. И наделила этой способностью своих детей, а их у нее было шестеро: четыре сына и две дочки. И обратите внимание, все шестеро получили высшее образование. Кто мне сегодня назовет такую страну, где все крестьянские дети из большой совершенно неимущей семьи могли бы закончить институты? Где это возможно?

Нынче в России таланты гибнут не раскрывшись. А какие-нибудь пятнадцать лет назад создавались все условия для полноценного развития личности. Лозунг «Кадры решают всё!» не был блефом, пустышкой, как, например, многое из того, что появилось в период пресловутой «перестройки». В ту пору страна умело готовила свои кадры, заботилась о будущем.

...Жизнь у нас в Москве была размеренной: утром мы с отцом уходили на учебу: он – пораньше, я – попозже. Школа моя находилась рядом с домом. Средняя школа № 13, «чертова дюжина», как мы ее порой называли. Здесь я проучился первые четыре года. А пятый класс закончил уже в новой школе – № 99. Ее построили рядом с «чертовой дюжиной». Это было

огромное, светлое, многоэтажное и очень красивое здание. Но нам всем было жалко старую школу, когда ее сносили. Мы подолгу грустно наблюдали, как рабочие разбирают ее стены.

До наступления холодов от нее не осталось и следа. А весной ребята из нашего класса разбили на этом месте огромную клумбу. К последнему дню занятий трава и цветы были в самом лучшем виде. Классная руководительница Анна Ивановна организовала у клумбы настоящее торжество: здесь мы читали стихи, давали клятву вечно дружить, не забывать нашу «старушку». У всех было очень хорошо на душе.

Клавдия Моисеевна, моя мачеха, в основном занималась домом и сестренкой Леночкой. Когда я приходил из школы, она оставляла ее на меня, а сама мчалась в магазины. К лету 1936 года сестренке было четыре годика. Как-то, получив ее в свое распоряжение, я повел девочку к клумбе с цветами, дорогой рассказывал ей о школьной жизни и был рад, когда здесь же появился мой одноклассник, Сережа Филимонов, с младшим братом. Тот был чуть постарше Леночки, так что у нас образовалась веселая компания. Мы уже собирались уходить, когда вдруг появилась Анна Ивановна. Она уходила из школы домой, но, увидев нас, подошла. Разумеется, учительница тоже говорила о школе, о новых возможностях, появившихся в связи с новостройкой. Неожиданно я испортил всю «обедню», сказав, что, скорее всего, наша семья уедет из Москвы. Анна Ивановна немного пожалела меня, но закончила на мажорной ноте: пути хороших людей всегда пересекаются, и предсказала, что я в этой школе еще появлюсь. И действительно – появился. Но через пятнадцать лет, когда поступил учиться в Военную академию имени Фрунзе. Вот только никого из знакомых учителей, в том числе и самой Анны Ивановны, не нашел – война всех разбросала. Вообще школьные годы я, как, видно, и все, вспоминаю с неизменно добрыми, светлыми чувствами. Наши учителя были самоотверженные, преданные своему делу люди. А как внимательно, с какой любовью они относились к своим питомцам! Точно так же было и в других школах. Везде прослеживался один почерк. Это была общая линия государства: оно заботилось как об учителе, так и об ученике. Могу биться об заклад, что тогда ни разу никто и слыхом не слыхивал о том, что где-то, в одной из школ учителя объявляли голодовку из-за того, что им несколько месяцев не платят зарплату. А что сегодня? Не проходит дня, чтобы российская пресса не писала об учительских акциях протеста. Передо мной «Независимая газета» за 16 января 1997 года. Один из ее авторов Алексей Лукьянов пишет об учительских пикетах у Белого дома из более чем 50 регионов России. Оказывается, педагоги кое-где не получают зарплаты без малого год. «Забыли платить даже пособие на детей, – рассказывают учителя. – Жертвам Чернобыля не платят. Хорошо, если есть участок. А в городе как быть? Питаемся одной картошкой. Записываемся в долг в магазинах – дают хлеб и крупу... В интернатах, чтобы прокормить детей, учителя сдают кровь... В школе лампочку купить не на что, и даже мел. Один учебник на трех-четырех человек, ученики – в голодные обмороки падают». И это в мирное время! При расцвете «демократии». О таких ли школах мечтали многие поколения русских интеллигентов? Есть в стране пародист – Задорнов. Этот талантливый человек ярко и зло высмеивал руководителей – вначале Горбачева с его кликой, а затем Ельцина с компанией. Что делает Борис Николаевич, естественно с подзаказки своего окружения? Он дает Задорнову квартиру в элитном доме, где всего шесть квартир – самого президента и его приближенных. Это лучшие квартиры в Москве, да и в стране. И пародист, поселившись на этом «Олимпе», вообще прекращает писать о настоящем. Как-то он обмолвился: все равно, дескать, бесполезно, и переключился на прошлое. И показывает его только как исчадие грязи, пошлости и хамства.

Например, живописует, как он жил в коммунальной квартире, где только клопы, тараканы и крысы, а еще сплошное зловоние. Отношения между жильцами, говорит, такие, что приходилось на кастрюли вешать замки, потому как соседи плевали в борщ. Такая якобы была стервозная обстановка в обществе при Советской власти: плевали не только в душу, то есть

стучали, но и в еду. А ведь даже дураку ясно, что если в доме паразиты, грязь и вонь, так это – вина хозяев. Что касается плевков в борщи, то, видно, и сам Задорнов в этом упражнялся.

Мне тоже приходилось снимать комнату в коммуналке, где жили еще три семьи. Это был период учебы в академии – с 1951 по 1954-й. Могу и адрес указать: Учебный переулок, вблизи Новодевичьего монастыря. Обходились мы без крыс, тараканов и клопов, хотя дом был старый, деревянный, с жилым полуподвалом, зато отношения между жильцами – лучше не придумаешь. Может быть, просто повезло?

В начале 1930-х о Сталине говорила вся страна. О его начинаниях, поступках. Я тоже слышал многое. В основном, конечно, хорошее, и воспринимал это как должное. Позже, после смерти, стали на него навешивать разные ярлыки. Но правильно гласит восточная мудрость: мертвого льва может лягнуть даже осел.

Подробно о Сталине мы еще потолкуем, а сейчас, возвращаясь к 1930-м годам, замечу: одно дело – услышать, и совсем другое – увидеть.

Мне впервые посчастливилось побывать на Красной площади в 1932-м, на Первомайской демонстрации. А потом дважды в год, в ноябре и мае, мы бывали там с отцом всегда. В 1936-м на Первомай ходили всей семьей. И каждый раз – новые впечатления. Но Первомай 1932-го для меня особо знаменательный, поскольку первый.

О желании взять меня на демонстрацию отец объявил заранее. И я, конечно, все последние дни пребывал в напряжении. Даже в школе весь класс знал об этом. Ребята мне завидовали.

Приблизительно в восемь утра мы приехали в академию. Там уже толпился народ. Организаторы формировали колонну, раздавали флаги, лозунги, портреты вождей, огромные карикатуры на буржуев. Кое-кто пришел с цветами, маленькими флажками... Мне тоже дали флажок.

В тот день сама погода рождала праздничное настроение, а если вспомнить о нарядной летней одежде людей, красивом убранстве улиц, ликующих колоннах демонстрантов, бодрящей музыке, то, говоря современным языком, аура была просто прекрасной. В нашей колонне несколько человек были с орденами – для того времени редкость. Люди вели себя непринужденно, радостно, живо беседовали. Детей мало, но неподалеку оказалась девчурка приблизительно моего возраста. Когда колонна двинулась, я вцепился в руку отца и почему-то все время боялся, что потеряюсь. Вышли на улицу Горького. Между прочим, именно в том году Тверская получила имя великого писателя. Здесь наша колонна влилась в огромный людской поток – он спускался к Манежной площади. Люди шли в несколько рядов. Порой останавливались, затягивали песни, танцевали. Играли оркестры, звучали гармошки. Когда оказались на Манежной, а потом подошли к Историческому музею, все как-то подтянулись. Возникло некое напряжение. А меня поглотила одна мысль – сейчас увижу Мавзолей и на нем Сталина... Наконец нас вынесло на площадь. Шли мы в середине колонны. Естественно, мне было видно плохо. Я потянул отца за руку, показал, что девчурка в нашем ряду уже устроилась на плечах своего родителя. Тогда и отец подхватил меня, посадил к себе на шею. «Ну как?» Отвечаю: отлично! Действительно, было видно всех и все. Время от времени звучали здравицы и лозунги. Впереди кричали «ура!». Я увидел Мавзолей, на нем много людей, но кто из них Сталин? Отец сказал, что рядом с вождем Ворошилов и Буденный в военной форме, и я сориентировался. Кричу отцу: «Вижу! Сталин машет рукой!» Действительно, он помахивал правой рукой и улыбался. Все кричали «ура!». Я буквально впился глазами в Сталина, стараясь получше рассмотреть... Ворошилов и Буденный выделялись, были при орденах. Отец потом говорил, что он отлично видел Молотова, Микояна, Кагановича, а из военных, кроме Ворошилова и Буденного, еще и Тухачевского. И вот прошли Мавзолей... Нашу колонну тепло приветствовали трибуны: стоявшие там махали нам руками, флажками, цветами. Очевидно, то же было и до Мавзолея, но я этого как-то не заметил: «разбирался» с центральной трибуной. Отец снял меня с плеч. Мы уже двигались по Васильевскому спуску. Внизу Москва-река. Потом колонна повернула

направо и направилась к Садовому кольцу, что отвечало нашим интересам – ближе к дому. На Зубовской уже поджидал грузовик – туда сложили все знамена, плакаты. Колонна наша растаяла, как и другие. Люди обменивались впечатлениями: кто что видел. Особенно много мы говорили о Сталине. Мы с отцом дошли до дома пешком, довольные, немножко уставшие. А там – праздничный стол. Отец пригласил соседей – семью Кравченко, своего однокурсника. Вадик, сын Кравченко, все кричал, что его батя дал ему честное слово – взять на следующую демонстрацию. Видно, у них было бурное объяснение из-за этого...

А я, конечно, захлеб рассказывал, как я видел Сталина! Почему-то ждал, что он будет чем-то выделяться – ростом или одеждой, но ошибся. Он стоял в центре трибуны, по которой немного расхаживал – два-три шага вправо, столько же – влево; никто вплотную к нему не стоял.

Потом каждый раз, бывая на Красной площади, я вспоминал тот день, когда впервые увидел Сталина. Кстати сказать, судьба сложилась так, что, будучи слушателем Военной академии имени Фрунзе, я участвовал в его похоронах.

1936 год памятен мне весьма неординарным событием. Как-то во время урока в класс зашли незнакомые люди – мужчина и женщина – в сопровождении завуча. Мы встали, поздоровались. Анна Ивановна, классный руководитель, о чем-то с ними тихо разговаривала. Нам она дала задание – мы делали вид, что поглощены работой, хотя сами вслушивались в разговор. Увы, так и остались в неведении. Зазвенел звонок, мы выбежали на школьный двор и, как обычно, затеяли свои немудреные игры. Вскоре я заметил: у школы стоит группа людей и внимательно наблюдает за нами.

Перемена закончилась, мы – снова в классе. Входит Анна Ивановна, мы встаем, она говорит: «Садитесь. Варенников, зайди к завучу. А мы продолжаем урок...» Мой сосед по парте Сережа Филимонов: «Ты что натворил?» – «Да вроде ничего».

Но раз вызывают к завучу, значит, будет разбирательство. Я шел и мысленно перебирал события последних дней. Нет, причин для взбучки, кажется, не было. Подошел к двери. За ней какой-то разговор, но тянуть нечего – раз вызывали, надо идти. Вошел, глядя на завуча, представился: «Ученик 5-го „А“ Варенников».

Оглядел комнату: там еще три человека, в том числе те двое, что были в классе. Все курили. Дама мне говорит: «Здравствуй, мальчик». – «Здрасте... женщина». Все засмеялись. Кто-то обронил: «Он еще и юморист». Тогда дама сказала: «Я – Елена Ивановна». Я подумал: «Хорошо запоминается – сестра Елена».

Посыпались вопросы: откуда родом? В каких городах жил? Кто родители? Расспрашивали подробно об отце, потом – о здоровье, увлечениях. Отвечал быстро, с напором (почему-то обозлился – задают вопросы все сразу). Когда гости иссякли, я понял: они ко мне с добром. Вдруг один из спрашивающих говорит: «А ты в шахматы играешь?» – «Играю». – «Сыграем?» – «Можно! Но ведь вы проиграете». Все притихли. «Это почему? Я играю хорошо». – «Все равно проиграете, я же вижу...» Все улыбались. Дама сказала: «Думаю, достаточно. Мое мнение однозначное: надо попробовать на съемках». Остальные согласились. Она обратилась к завучу: «Прошу вас послезавтра отпустить его с уроков». Затем ко мне:

«Вот тебе адрес, это „Мосфильм“, – и дала листок. – Послезавтра к одиннадцати утра. Мы делаем фильм „Гаврош“ по роману Виктора Гюго. Приезжай, тебе понравится». Мы расстались. Я пошел в класс. В голове – фантастические мысли и какая-то растерянность. Долго стоял в коридоре у окна, думал. Появился завуч. Видно, уже проводил гостей, подошел ко мне: «Ты чего не на занятиях?» – «Думаю...» – «Чего тут думать? Послезавтра поедешь на „Мосфильм“, все прояснится. Хорошая перспектива. Пройдешь на Гавроша – это все. В институт примут без экзаменов. Правда, до института еще далеко! Но все равно – езжай! Только приведи себя в порядок». – И он провел рукой по моей кудлатой голове. Вернувшись в класс и спросив разрешения у Анны Ивановны, пошел на свое место. У доски кто-то стоял. Сосед по парте тут же

набросился: «Рассказывай!» – «На перемене». – «Выкладывай все по порядку». Я отбивался. Наконец, Анна Ивановна сделала Сергею замечание, попросила быть внимательным. Но весь класс смотрел в мою сторону – я был у завуча, да еще так долго. Прозвенел звонок. Анна Ивановна ушла. Все – ко мне: «Что натворил? Что сказал завуч?» А когда я сообщил сенсационную новость, интерес ко мне разгорелся с новой силой. Все стали строить предположения. Звучали имена известных артистов, чаще всего – Игоря Ильинского. Дома я тотчас начал изучать себя в зеркале. Да, прав завуч – надо привести «внешность» в порядок. Большая копна волос, давно не видевшая парикмахера, делала лицо озорным. И коричневая косоворотка, которую носил, подпоясываясь, тоже не украшала... Рассказал новости Клавдии Моисеевне. Она начала вздыхать и повторять: «Что же делать, что же делать?» Меня всегда это раздражало. «Ничего не надо делать. Придет отец – все решим». Так и получилось. С занятий отец пришел вечером. После ужина, когда мы у ourselves поудобнее, он велел рассказывать, что я и сделал, отдав ему при этом записку Елены Ивановны. Отец умел слушать: запоминал все детали, а когда собеседник заканчивал повествование – задавал вопросы. Вот и сейчас – выслушав, переспросил: «Говоришь, завуч посоветовал привести себя в порядок?» Я подтвердил. Тогда отец объявил, что завтра после уроков мне первым делом нужно красиво подстричься. А Клавдии Моисеевне велел отутюжить мой костюмчик и белую рубаху. Послезавтра я должен отправиться на «Мосфильм». Парикмахер, приводя в порядок мою голову, ворчал: «Запустил ты прическу. И машинкой не возьмешь. Тебя, парень, обкорнать надо наголо... Что молчишь-то?» Я сопел, но разговора не поддерживал. Когда пришел домой, все сказали: хорошо! А вот отец, хотя и одобрил, все же выразил сомнение: «Понравится ли прическа им?»

И он как в воду смотрел. Когда меня, разряженного, наутюженного, красиво подстриженного и тщательно причесанного, привели к Елене Ивановне – она так и ахнула: «Господи, что же ты наделал? Где твоя голова? Она нужна была нам такой, какой была...» Куда-то побежала, вернулась с теми двумя, что были с ней в школе. Они зашли и долго молчали. Затем сели, закурили. Один изрек: «Да, это все. Вот как бывает. Мы сами виноваты, что так получилось, – не предупредили. Ждать, пока он обрастет, нет времени». Все согласились. Я был подавлен – моя артистическая карьера рухнула, не начавшись. Расстались мы по-доброму. На прощание мне подарили какой-то альбом с фотографиями артистов.

Домой вернулся в слезах. Никому ничего не рассказывал. Дождавшись отца, выложил ему все, как было. Отец, по-моему, даже обрадовался развязке: «Вот и прекрасно. Надо окончить школу, а потом распоряжаться своей судьбой. Артист – хорошо, но инженер – еще лучше. Словом, не горюй, все, что ни делается, – к лучшему».

К счастью, следующий день был выходной, идти в школу не надо. Отец оставил свои занятия, и мы отправились в зоопарк – он был рядом. Помню, я сравнивал каждого очередного зверя с нашим завучем – очень уж на него обозлился! Ведь это он подтолкнул к тому, чтобы остричься. Конечно, досада была детской, мальчишеской. Потом все перегорело и улеглось. Вечером отец посоветовал: «Если ребята будут донимать, скажи им, что не сошлись характерами и ты отказался от предложения. Позже, когда учебный год закончится, расскажешь, как все случилось. Будет честно и благородно».

Так я и поступил. Действительно, вопросов почти не было. Но в душе моей, не скрою, осталась горечь. Позже я видел этот фильм – «Гаврош». Не помню фамилии мальчика, игравшего роль Гавроша, но исполнил он ее прекрасно. Не знаю, смог ли бы я так?

В общем, артиста из меня не вышло. А кино я очень люблю. И не только кино – искусство вообще. Знаком со многими деятелями театра и кино и очень уважаю многих из мастеров сцены и экрана. Общаюсь с ними в жизни, не раз замечал, что иные из них любят больше всего себя в искусстве, а не искусство в себе. Характер, природа артиста такова. Он желает и требует к себе максимального внимания, что, впрочем, естественно. Это эгоизм в хорошем смысле, и он не страшен. Страшно другое: когда артист (или любой иной представитель интеллигенции)

совершенно не дорожит идеалами; когда в каждом кармане у него по двадцать принципов на все случаи жизни – вынимает, какой выгоден сегодня... Обидно, стыдно за таких.

Мне не нравится выражение «гнилая интеллигенция». Это убийственный ярлык, и ко многим представителям интеллектуальной элиты он абсолютно неприменим. Но значительная часть творческой интеллигенции под это определение, увы, подпадает. Я говорю о людях-приспособленцах. Нет, это не открытые враги. Враги – Вишневская и Ростропович, их души давно истлели, вместо них «одна, но пламенная страсть» – деньги любой ценой! Вот и лижут... А уж когда речь идет о бесе в ранге царя... Вспомните награждение Ростроповича орденом в мае 1997-го! Люди, родившиеся и выросшие при Советской власти, получившие от нее все: высшее образование, возможность раскрыть свои таланты, приобрести известность, высокие звания и награды. И вдруг ныне выступают в роли ненавистников того строя, который их породил. Они поддерживают и воспевают власть, которая подкармливает продавшуюся верхушку интеллигенции, тогда как основная масса интеллигенции обречена нищенствовать. Когда же они были сами собой? И почему эти люди, кого страна увенчала высоким званием народных артистов, теперь платят народу, взрастившему их, черной неблагодарностью? Я не могу отрешиться от этих горьких мыслей. Вот и теперь, вспомнив эпизод о своей несостоявшейся артистической карьере, я невольно перешел к обобщениям. Таковы сегодняшние реалии – они тяжелы и противоречивы, жестки и навязчивы. Потому, рассказывая о собственной судьбе, поневоле вынужден делать отступления, говорить о том, что болит и тревожит. И это естественно: в жизни все так тесно переплетено – личное и общее, прошлое, настоящее и будущее. ...Отец заканчивал академию, а я – пятый класс. И вот мы едем в Новороссийск. Точнее, в Абрау-Дюрсо. Сюда он уже наведывался в конце четвертого курса – как говорил, для разведки. Дело в том, что именно тогда отец получил тему дипломной работы, которую нужно было не только защитить теоретически, но и воплотить материально. Ему следовало построить тепловую электростанцию для завода шампанских вин в Абрау-Дюрсо. В первой поездке он собрал все необходимые данные для диплома, во второй – договорился, уже на местности, с подрядной организацией о проведении строительных работ, уточнил смету. В третью – проверил окончательную готовность к строительству на лето 1936 года. Кстати, на четвертом курсе отец получал премии как «ударник учебы». Такая вот была тогда категория, и на Новый, 1936 год нам принесли большую продовольственную посылку с деликатесами и вином. Все пришли в восторг не от того, что было в посылке, а от самого факта: отец отмечен! Государственные экзамены он сдал в апреле и мае – без троек. Что касается дипломной работы, то защитил ее еще в начале года. И вот в третий раз отправился к месту строительства – чтобы поставить все точки над «i». Однако пока диплома не получил. По действовавшим тогда правилам студентам, как мне запомнилось, проходившим подготовительный курс, разрешалось на равных с другими получать дипломы после их успешной защиты или же (если он сам пожелает) после завершения строительства объекта, сдав его государственной комиссии под ключ. Все на добровольных началах. Отец избрал второй путь. Таких среди «академиков» было не много.

В Абрау-Дюрсо отец уехал первый, а мы должны были подъехать позже. Но через две недели получаем телеграмму: он нас ждет! До Новороссийска добрались поездом. Отец встречал на вокзале.

И вот перед нами, наконец, сказочный Абрау-Дюрсо! Оказывается, он имеет давнюю историю. Некогда он являлся опорной базой по производству вин высокого класса, принадлежавшей их императорским величествам. Говорят, впервые подвалы появились при Екатерине II... А вообще это чудесное, живописное место. Богатые леса, кизилевые рощи. Внизу, как в чаше, лазурное озеро. Если вы были на Риге, то можете представить его. Правда, озеро Абрау-Дюрсо несколько меньше, но значительно красивее. Возможно, оно когда-то соединялось с морем, ведь среди рыб встречаются не только бычки, но и морской окунь с огромной красной

пастью. За свою долгую жизнь немало повидал я озер у нас в стране и за рубежом, но такой красоты не встречал.

Жизнь в поселке, хоть он и был небольшим, бурлила вовсю. «Виновата» была, разумеется, стройка, задававшая местному ритму динамизм. Домик, в котором мы жили, стоял неподалеку от озера. К берегу спускалась крутая тропа-лестница. Я быстро обзавелся друзьями своего возраста. У нас во дворе шла работа по производству различных снастей для лова рыбы и раков.

Особенно увлекателен и интересен был процесс отлова раков. Все происходило с наступлением темноты, когда на небе появлялись крупные бриллиантовые звезды. Мы разжигали у самого берега костры и забрасывали, точнее, шестами опускали в воду сети, натянутые на обручи, в центре которых прикреплялась приманка – жаренные на костре мясные обрезки. Раков было множество, мы не только варили их с укропом на всю рыбацкую команду, наедаясь вдоволь, но каждый еще уносил домой пару ведер.

В августе прибавилась новая забота – начался перелет перепелок, который длится две недели. Местом их базирования были виноградники, но вечерами на костры они тоже слетались. Мы подбирали тех, кто получил какие-нибудь увечья, короче, были обречены. Впрочем, сачки для ловли все же сделали.

И были походы на море. Запасались едой и выходили рано утром. В лесу к своим запасам добавляли орехи, кизил, грибы. Весь день барахтались в воде, заплывая далеко от берега. Вечером возвращались домой, довольные совершенными «подвигами». Иногда, заигравшись, забывали о времени, и тогда приходилось топтать в темноте. Разжигали костер и, взяв по горячей головешке – для храбрости, подбадривая себя, шли к поселку. Частенько на эту тропу выходили шакалы, одним своим завыванием нагонявшие страх, а огня они боялись. Росли мы крепкими, самостоятельными. Никто над нами не трясся, казалось, мы – на равных с родителями. Однажды в выходной день отец, очевидно заблаговременно договорившись, повел наше семейство в винные подвалы. Они впечатляли. Огромные, тоннельного типа сооружения с гигантскими чанами, бочками и тысячами бутылок шампанского, рислинга, каберне. Родитель с увлечением рассказывал о производстве вина – от поступления виноградных кистей до дегустации. Но на меня наибольшее впечатление произвели тоннели. Пожалуй, своей таинственностью. Ведь среди них были и замурованные. Нет, как хотите, но что-то тут было загадочное и даже в то время страшное... Потом пошли на стройку отца. После только что увиденного в винных подвалах его детище произвело нулевое впечатление. Видимо, мы не смогли скрыть разочарования. Он это почувствовал и начал разяснять: есть, дескать, в строительстве такие процессы, которые, как при создании вина, нельзя ускорить... Мне почему-то стало скучно. К тому же обстановка вокруг о порядке явно не свидетельствовала. Охранявший стройплощадку дед подошел к отцу и сказал, чтобы не водил детей к котловану. По-моему, сторож больше отвечал за меры безопасности, чем за сохранность имущества. Не было здесь ни одного случая, чтобы кто-то посягнул на народное добро. Не то что теперь, когда в стране разворовывают все и вся, когда ловкачи-прихватизаторы спешат прикарманить все, что плохо лежит. А «плохо лежит» сегодня абсолютно все... Завершая рассказ о скором рождении электростанции, отец очень серьезно и убедительно сказал, что она придаст новые силы не только винному заводу, но и всему поселку. Это, пожалуй, единственное, что произвело на меня впечатление. Наступило первое сентября, и я пошел в шестой класс. Школа в поселке была одна – семилетка. Ребята постарше ездили в новороссийский интернат. Учеба шла нормально. Физкультуру и военное дело у нас преподавал Тихон, сын бухгалтера с винзавода. Год назад он окончил среднюю школу и одновременно в Новороссийске приобрел специальность метеоролога. Теперь учительствовал и по совместительству работал на местной метеостанции. Хорошо физически развитый, проявлял большой интерес к военному делу, вся грудь у парня была в «оборонных» значках. Мы смотрели на него как на икону, ловили каждое его слово и подражали во всем.

Однажды у нас в поселке была встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Народу – тьма. Выходной день. Погода хорошая. Лозунги, транспаранты, музыка. Мы стоим отдельной группой. На митинге выступал кандидат в депутаты. Тихон сказал нам, что по окончании митинга хочет к нему подойти со «своим вопросом». Мы, конечно, заинтересовались. О чем речь? Оказалось, хочет попросить, чтобы тот посодействовал с призывом в армию. У Тихона было плохое зрение, он носил очки, и его в военкомате даже не брали на учет, отчего парень сильно страдал. Он пытался доказать, что в армии есть такие должности, на которые и с его зрением можно назначить. Кажется, он и писарем был согласен стать, лишь бы попасть в армию.

Тихон действительно подошел к кандидату в депутаты. Тот что-то записал, пообещал разобраться, но ни в осенний, ни в весенний призыв беднягу в армию не взяли. Парень снова строчил письма – теперь уже депутату. Мы сочувствовали Тихону – так мы его называли между собой, а на занятиях – «товарищ военрук». Он любил это.

Кстати, тот митинг оставил в нашей семье след. Помню, вечером к нам домой пришел директор винзавода. Уединившись с отцом, они о чем-то долго разговаривали. Значительно позже мне об этом эпизоде рассказал отец. Директор говорил, что после митинга он звонил в Новороссийск начальству, а оно, мол, высказало недовольство: «Почему на митинге не выступил Варенников?» Отец ответил: «Кто бы меня ни заставлял, я не буду представлять человека, если не знаю его».

Вот так: твердо и однозначно.

Позже, через многие годы, мы с отцом вспоминали и этот случай.

В Абрау-Дюрсо время пролетело очень быстро. Наконец строительство электростанции подошло к концу. Надо сказать, она впечатляла. Здание – небольшое, но очень высокое, по тогдашним меркам – ультрасовременное, с громадными вытянутыми вверх окнами. Мне было приятно, что это дело рук моего отца. Государственная комиссия приняла станцию без замечаний. Здесь же выпускнику Варенникову вручили долгожданный диплом об окончании Промышленной академии имени Сталина.

Было торжество в заводском клубе, затем – небольшое застолье. А через день председатель Государственной комиссии и представитель академии объявили отцу: отпуск ему лучше всего провести в Абрау-Дюрсо, через месяц решится вопрос с его назначением. Родителя, как ожидалось, должны были пригласить в Москву. Мы все радовались такой перспективе, особенно я, поскольку уже заручился согласием отца весь месяц ходить с нами на море и в лес. А где-то в глубине души было тоскливо – ведь скоро придется расстаться с Абрау-Дюрсо, который я уже успел полюбить.

А потом в нашу жизнь вошло нечто страшное и непонятное. Не прошло и недели после торжественного открытия электростанции, как к нам ночью пришли четверо, один был в милицмейской форме.

Показали отцу какой-то документ; тот молча оделся, собрал в авоську мыло, зубную щетку, еще кое-что. Мне и Клавдии Моисеевне сказал, что скоро вернется. И ушел с ночными посетителями. Мы тоже вышли во двор. Клавдия Моисеевна плакала. Через некоторое время услышали заведенный двигатель, потом увидели машину – воронок. Отец отсутствовал около трех месяцев. Страшная, необычная и непонятная обстановка сложилась тогда вокруг нашей семьи. Никто к нам не приходил, вроде бы Варенниковых и не существовало. Исключением был директор завода, но и тот появлялся обычно поздно вечером и на очень короткое время. После одного из таких визитов Клавдия Моисеевна сказала, что он принес деньги. А еще сообщила: приезжала какая-то группа специалистов, осматривала электростанцию, которая к этому времени вовсю работала. Ничего не сказав, группа вернулась. Конечно, деньги не были лишними, но если учесть, что я приносил домой рыбу и грибы, а наш огород давал разную зелень, то можно было продержаться. Однако вечно продолжаться так не могло. Самое главное – мораль-

ный гнет. Весь поселок знал о беде в нашей семье, «позорной» беде. Даже мои друзья не появлялись у нас дома и на «нашем» берегу озера. Если иногда я и видел их на озере, то далеко от обжитого вместе пляжа. Черные дни тянулись медленно. Мне было невероятно тяжело. При встрече со сверстниками делал вид, что не замечаю, не подходил к ним. Понял, что это их устраивало. Наверное, им родители строго-настрого наказали, чтобы не встречались с сыном «врага народа». Особенно делалось горько, когда Клавдия Моисеевна плакала, причитая: «Ну почему я такая несчастная! За что мне такое наказание?» Вместе с ней ревела и сестренка. Я даже не пытался успокаивать мачеху, но меня раздражали ее слова. Она почему-то считала несчастной именно себя, а не нашу семью, в первую очередь – отца. Беда-то свалилась на нас – одна на всех. Но я хорошо запомнил прощальные отцовские слова: все это, мол, недоразумение, он вернется. С этой уверенностью я и жил! Отец как внезапно исчез, так же внезапно и появился. Среди дня, на легковой машине. Его сопровождал мужчина в военной форме, но без знаков различия. Я был свидетелем того, как отец предлагал ему зайти в дом, но он отказался, сказав, что сейчас близким отца не до гостей, а вот через два-три дня – заедет. Они любезно попрощались, и машина уехала. Нашей радости не было конца! Леночка как забралась на руки к отцу, так до вечера и не сходила. Потом приехал Иван Кузьмич, директор завода. Клавдия Моисеевна в его присутствии сказала, что это единственный человек, который нас навещал и помогал материально. Отец тепло благодарил Кузьмича, заметив, что не сомневался в его благородстве.

Что касается объяснений случившегося, то они для того времени были типовые: произошла досадная неприятность, которая возникла на основе анонимных писем. А спас отца Микоян. Мало того, Анастас Иванович рекомендовал вернуть его в пищевую промышленность – с учетом имевшегося теперь высшего образования. Одновременно отца ориентировали, что, возможно, его назначат на самостоятельную работу здесь, в Краснодарском крае. Услышанное меня потрясло. Но я, как и все, радовался благополучной развязке.

Через два дня приехал уже знакомый мне военный. Родитель с ним встретился, как с родным; тот привез хорошую весть – телеграмму из Москвы о назначении отца. Вскоре подошел Иван Кузьмич. Стали уточнять план ближайших действий...

Как всегда, первым провожали отца – он должен был устроиться, а затем вызвать нас. Иван Кузьмич обязался помочь семье собраться и отправить ее «вторым эшелонem». Распрощались. Теперь уже без слез. А Леночка все торочила отцу, чтобы он «не заблудился» (так он объяснял ей свое трехмесячное отсутствие).

Через много лет, вспоминая случившееся, родитель приоткрыл некоторые подробности: когда его стройка завершилась, в Новороссийск, Краснодар и Москву стали поступать анонимные письма о том, что фундаменты под дизели станции сделаны ненадежно, а главный виновник он, мой отец. Естественно, реакция НКВД была однозначной, тем более что сигналы поступили сразу в несколько инстанций.

Сидел отец в камере предварительного заключения в Новороссийске. Он ухитрился переслать записку своему приятелю Куцину, в станицу Крымскую. Просьба была одна – сообщить Микояну, что арестован по недоразумению. Микоян, как и Куцин, сделал все, и даже больше... А передавались письма проторенным тогда путем – через заключенных, которых должны были освободить или перевести в другое место.

Через месяц отца вызвали снова – и с ним беседовал уже не следователь, а представитель крайкома партии. В разговоре был задан вопрос: знает ли он лично товарища Микояна? Конечно, родитель дал утвердительный ответ. Тогда представитель крайкома сказал, что Анастас Иванович предлагает ему вернуться в пищевую промышленность. Если это предложение принимается, то состоится назначение в Армавир. Отец согласился.

Глава 2

Мир катится к войне

Армавир – городок провинциальный, а Кубань – река коварная. – Казалось бы, живи не тужи. – Спорт, газета и кораблестроение. – О преподавателях. – Надежды народов и рассуждения подростка. – «Гроза» приближается. – «Броня крепка, и танки наши быстры...»

В начале августа 1937 года мы получили от отца сообщение: в Армавире все готово, он ждет. Сборы оказались недолгими, фактически мы уже давно сидели на чемоданах. Проводы были сердечными и даже слегка торжественными. Пришло много соседей. Прощались с нами тепло, просили не забывать. Народ в Абрау-Дюрсо запомнился мне добрым, сплоченным – просто одна семья, готовая отдать и сделать для тебя все, чего ни попросишь. Правда, оставалась еще некая тень, недосказанность – видно, страх перед чем-то неведомым давал о себе знать. Как бы желая загладить все плохое, люди к семейству Варенниковых буквально льнули, а уж мои друзья – тем более. Иван Кузьмич выделил грузовик и сопровождающего, с которым мы доехали до Новороссийска. Он помог нам сесть в поезд.

И вот вагон дернулся и пошел, все убыстряя ход. Станция уплыла куда-то, как и вся наша прежняя жизнь. Ехали мы с хорошим настроением, в общем вагоне. Народу было немного, все с узлами, чемоданами, тюками – видно, многие в ту пору переезжали. В подавляющем большинстве попутчики были внимательными, обходительными. То и дело кто-то угощал нас своей снедью, особенно прелюбопытную Леночку, проявлявшую ко всем большой интерес и быстро вступающую в контакты. Как и предполагалось, утром мы уже были в Армавире. На перроне увидели отца, он улыбался. Линейка (двухконка) уже ожидала. Мы тут же ее «оккупировали». Возница – круглолицый, с окладистой бородой – спросил: «Товарищ директор, можно ехать?» – «Давай двигай домой». Я посмотрел на отца, он мне подмигнул, и мы тронулись в путь.

Видно, маршрут они заранее оговорили с таким расчетом, чтобы мы получили возможность познакомиться с городом, где предстояло жить...

Армавир в основном был одноэтажным, редко попадались дома в два-три этажа. В центре, конечно, имелись и повыше, в основном административные здания. Ближе к окраинам располагались различные предприятия, мастерские, лишь Армавирский литейный завод оказался недалеко от центра. Дома были кирпичные, добротные, и только изредка попадались мазанки. Мостовые вымощены булыжником, и лишь центральная часть города покрыта асфальтом. Многие же улицы на окраине оставались грунтовыми. Меня поразило, что все тротуары выложены кирпичом. Никогда прежде я не видел ничего подобного. Пешеходам был не страшен ни дождь, ни снег. Очевидно, испокон века мощность кирпичного завода позволяла городским властям проявлять столь трогательную заботу о своих согражданах.

Наш дом находился на улице Осипенко. Он и сейчас стоит, я был там последний раз летом 1990 года. Неподалеку расположены стекольный и пивоваренный заводы. В 100–150 метрах – река Кубань. Дом хотя и одноэтажный, но крепкий, высокий. Прямо на улицу выходило крыльцо одной из квартир, а вход в две другие – со двора, в том числе и нашу. В глубине огромного двора стоял небольшой кирпичный дом. Там жил главный инженер завода. Нашлось место и для огорода. Здесь же росло несколько фруктовых деревьев.

Наша квартира состояла из трех проходных комнат с большой верандой; был еще крошечный полуподвал с окном, где мы хранили овощи, соленья. Там же я впоследствии устроил свою небольшую мастерскую. Новая обитель всем понравилась. Отцу наши восторги были приятны. Квартиру поделили так: первая комната – кухня-столовая, вторая, поменьше, – моя, третья – спальня родителей и Леночки. Квартиру по соседству занимала семья бывшего директора

завода (его объявили врагом народа и арестовали). В другой, с входом с улицы, жил бывший хозяин этого дома. Впрочем, хозяина-то как раз и не было – куда-то исчез. А вот семья осталась. Отношения со всеми у нас сложились нормальные. Правда, несколько настороженно встретила семья бывшего директора – его жена и двое детей, весьма слабых здоровьем. Мальчик был года на два младше меня, а его сестра и того меньше. Вид у них всегда был испуганный. Никогда не принимали они участия в наших играх, отсиживаясь на крылечке. Отец сказал мне, чтобы я оставил их в покое. И сейчас помню его слова: «Ты им не надоедай, у них горе».

Иногда вечерами Клавдия Моисеевна, захватив большую сумку с продуктами, заходила к ним, но подолгу там не задерживалась. Возвратившись, всегда о чем-то тихо разговаривала с отцом. Однажды мачеха проговорила, что отнесла им деньги. Вот как это получилось. Каждый вечер я ходил с бидончиком на соседнюю улицу за молоком. И в тот раз, как обычно, попросил у мачехи денег. А в ответ услышал: «Денег сегодня нет, я все отдала Таблуковским. Попроси у молочницы в долг, после получки отца рассчитаемся». Кстати, о молочнице. У нее были сыновья приблизительно моего возраста. Сбегав разок на Кубань, мы быстро сдружились. Но об этом – особый разговор. «Климат» в соседних с нами дворах для меня оказался тоже вполне подходящим. Рядом, например, жила большая семья Рудич. Один из сыновей – Владимир – был значительно старше меня – уже окончил школу, отслужил в армии, точнее, на флоте, а теперь работал слесарем на Армавирском литейном заводе. Все завод называли коротко – Армалит. Одновременно Владимир заочно учился в институте. Именно он и натолкнул меня на мысль соорудить свою мастерскую. Правда, для нее у меня было практически все. Небольшой верстак, тиски, строгально-режущие по дереву и металлу инструменты. Но Володя сумел главное – вдохнуть в меня дух творчества. Я стал проводить опыты по физике и химии – руководил ими Владимир Рудич. Мастерил различные макеты, в том числе действующие, – вектор поиска определял Рудич. По соседству проживала армянская семья: отец, сын Тигран и дочь Ася. Домишко у них был небольшой, и все они, под стать ему, тоже были небольшого роста. Здесь, в этом доме жила беда. Ася, уже взрослый человек, ничего (буквально ничего) не могла делать сама, даже есть. Бывало, с утра встанет у нашего забора, так весь день и стоит, не проронив ни единого слова, пока брат не придет с работы. Сначала нас эта странность угнетала, но со временем к ней все привыкли. Фактически девушка была на руках Тиграна, поскольку их отец по многу дней вообще отсутствовал. Говорили, будто где-то работал экспедитором. А Тигран служил на железной дороге. Он был отлично развит физически. Ежедневно утро и вечер, а по выходным и весь день проводил с гириями. Я восхищался – настоящий Геркулес, только в миниатюре! С ним мы тоже стали добрыми приятелями. Тигран чувствовал это, был признателен нам за деликатность в отношении его сестры. Этому человеку я обязан любовью к спорту. Всего за какой-то год я совершенно преобразился – окреп, подрос и вскоре играл двумя двухпудовиками лучше самого Тиграна. Одно меня огорчало: мой старший друг никогда не ходил на Кубань. Пришлось для купаний завести другую компанию – сыновья молочницы и еще один паренек. Все они учились в другой школе. В то время река представлялась мне живым существом. Мог часами смотреть на ее течение, и мне казалось, что она, словно человек, имеет свой образ, свой характер. Она была то коварной и капризной, то спокойной и величественной, но всегда – неповторимой и все-таки быстрой.

Кубань берет начало в горах на склонах Эльбруса. Где бы вы ни наблюдали за ней – в ущелье, в самом ее начале, в горно-равнинном или равнинном «контекстах», во всех случаях она впечатляет своей силой и могуществом. Конечно, это не Волга, не Обь, не Амур. Ее протяженность чуть меньше тысячи километров. В горных ущельях ее нрав сердитый и грозный, на равнине река становится тише, спокойнее. В ней много плавней, а в них в избытке рыба, дичь. У станицы Варениковской плавни достигают двадцати километров в ширину. Здесь река уже похожа на настоящее море.

В районе Армавира река льнула к городу, была агрессивной – бурлила, нападала на кручи, стараясь размыть их и разрушить. Правый берег очень высокий, пляжам негде приткнуться. Зато левый – настоящая равнина. Здесь, в основном вблизи моста, располагалась часть города станичного типа. Дальше шли поля, бахчи, сады.

Нас, пацанов, естественно, больше всего интересовала бахча – она простиралась вдоль берега, ниже по течению. Думаете, арбузы соблазняли? Ничего подобного! Их в каждом доме хватало – ешь не хочу. Важен был сам процесс добычи «трофея»: ведь бахча охранялась дедом, который к началу созревания арбузов занимал удобную диспозицию – в центре «своих земель», в шалаше и жил там круглые сутки, пока не заканчивалась уборка.

Дед вооружался дробовиком – из него после наступления темноты он иногда постреливал в небо. На наш взгляд, больше для храбрости. Но иногда палил и днем. Все знали, что в его «пушке» крупная соль вместо дробин. Схлопотать такой заряд – тоже радости мало. Но именно риск заволаживал нас, и мы разрабатывали целые операции по умыканию арбузов.

В конце концов был принят на вооружение такой «генплан». Один из четверых оставался на правом берегу – следить за сторожем. Если дед выйдет из шалаша и станет расхаживать по плантации, наблюдатель начинает играть на сопелке – так называли флейту из камыша. И если нет ветра, ее далеко слышно.

Остальные поднимались вдоль берега вверх по течению метров на пятьсот – шестьсот, каждый запасался большой веткой или кустом. Потом с интервалом в одну-две минуты входили в воду, прикрывая голову листвой ветки, – и на левый берег. Обычно до цели добирались благополучно. Поскольку река постоянно что-то несла – доски, кусты, ветки, наша маскировка срабатывала.

Один из троих (уже на противоположном берегу) следил за шалашом, в случае опасности должен был свистом подать сигнал. Двое пробирались на бахчу, отыскивали подходящий арбуз, иногда два, загружали в авоську и по-пластунски отползали к берегу. Операцию проводили по всем правилам военного искусства, потому никаких столкновений у нас с дедом не было. Хотя он иногда и выходил из шалаша, когда мы находились на бахче. Фокус был еще и в том, что мы для своих набегов выбирали самое лучшее время – середину дня, солнцепек. Все прятались в тень, а мы «работали». По завершении набега начинался пир. Ребята были в восторге. Каждый взахлеб делился впечатлениями, конечно изрядно фантазируя при этом. Иногда мы шли на Кубань просто позагорать, побарахтаться в теплой воде, где-нибудь в заводи. Но любили и опасные трюки. Через Кубань был построен рядом со старым, но выше по течению новый деревянный мост. Старый разобрали, а сваи при малой воде спилили. Летом вода поднималась выше свай – она была мутная, иногда даже казалась похожей на кисель. Приглядишься – над бывшими сваями закручивается водяной вихрь. Жуть! А мы выходили на середину моста, там наибольшая глубина, и прыгали с перил вниз головой в эту пучину. Сверхзадача – не разбиться о сваю и даже не поцарапаться. Зрителей у нас бывало много. Не помню, кто был автором этой затеи – теперь-то она кажется довольно глупой, – но тогда понравилась всем. Мальчишки есть мальчишки. Не могу понять, почему взрослые, наблюдавшие за нами, не образумили, не пресекли. Наоборот, улюлюкали, подзадоривали, давали оценку каждому. Видно, казацкая удаль брала верх. Потом, правда, кто-то стукнул родителям, и нам было строго-настрого приказано об этих играх забыть. Позже выяснилось, кому мы обязаны запретом рискованной игры. Призналась молочница. Как-то вечером пришел к ней за молоком, а она и говорит: «Ты уж не обижайся, это я нажаловалась – ходишь, мол, на мост прыгать и моих подбиваешь. Убиться ведь можно! Да и вообще Кубань – река коварная...» Я не обижался. Конечно, она права, но, думал я, что бы еще придумать такое, чтобы дух захватывало? Очень уж хотелось компенсировать запрещенное удовольствие. Уже на следующий год мы нашли на нашем берегу большую заводь с трехметровой глубиной. Это было везение. Глинистый обрыв «обработали» – сделали ступеньки, большую площадку в нише. Получилось отлично. Хоть и далековато от дома, зато –

здесь все-таки здорово и красиво! Пришлось налаживать дипломатические отношения с местными мальчишками – как-никак, мы все же вторглись на чужую территорию. Хорошо, что среди них оказались двое из нашей школы, один из них – Леня Дубин. Он учился уже в десятом классе, а я только в восьмом. Судьба нас, между прочим, сведет через многие годы в Заполярье, где будем вместе служить. А сейчас он помог мне достичь взаимопонимания с ребятами, и без кулаков. Я был членом редколлегии школьной газеты, а Леня – ее главным редактором. Вот он меня и представил своим лучшим другом, помощником. А у мальчишек как? Твой друг – наш друг. Вот все и наладилось.

Наша школа находилась в трех кварталах от дома, ближе к центру. Здание двухэтажное, из добротного красного кирпича, хотя и не очень большое, но классы – просторные, светлые. Перед школой – поросшая низкой травой огромная площадь. В центре ее – заброшенная церковь: все двери закрыты амбарными замками, никто не знал, что внутри. Перемены мы, конечно, проводили на этой площади...

Со школой я познакомился буквально на третий день после нашего приезда в Армавир. Мы отправились туда вместе с отцом, хотя до начала занятий оставался почти месяц. Директора Макагонова мы застали в его кабинете, там же оказались завуч и мой будущий классный руководитель и преподаватель математики Анна Ивановна. Я тотчас решил, что это к удаче: в Москве моего классного руководителя звали так же.

Чувствовалось – директор польщен приходом отца, не последнего человека в городе. Рассказал нам о школе, кстати, сообщил, что хотя она и носит номер шесть, но по всем показателям – первая. Ее выпускники обычно без всяких репетиторов поступают в вузы, в том числе Москвы и Ленинграда. Затем мы втроем зашли к завучу. Изучив мой табель за 6-й класс школы Абрау-Дюрсо, он определил меня в 7-й «А» класс и пожелал непременно стать отличником.

Побывали и в учительской. Директор представил меня. От окна отделилась небольшая женская фигурка и двинулась к нам. Я сделал несколько шагов навстречу. Анна Ивановна обняла меня за плечи, сказала, что пополнению рада, потом сообщила: наш класс собирается 31 августа в 10 часов утра, будем решать организационные вопросы.

Преподаватели с любопытством рассматривали отца. Он был крупный мужчина с решительным выражением лица, держался свободно в любых обстоятельствах. Знакомство со школой закончилось.

И вот наступил день встречи с классом. Подавляющее большинство пришло задолго до установленного срока. Все нарядные, наглаженные. Естественно, я повязал пионерский галстук. В Абрау-Дюрсо носили пионерские галстуки. Я к этому привык. Мне это нравилось.

Когда появилась Анна Ивановна, мы дружно встали и поздоровались. Она объявила: «Вот мы опять все вместе. К нам прибыли еще трое...» И назвала меня среди них. Пожелала, чтобы мы дружили и помогали друг другу. Напомнила о школьных правилах, дневниках, домашних заданиях, общественной работе, о приобретении учебников и тетрадей. Кто еще не успел этого сделать?

Все шло хорошо, пока не начались выборы старосты. Многие называли Колю Голубенко. Это был рослый, крепкий парень, видно, пользовался авторитетом. Но Коля, вдруг заартачившись, категорически отказался, чем всем, а особенно Анне Ивановне, испортил настроение. Тогда она быстро сориентировалась: «Ребята, Коля не может, мы должны пойти ему навстречу. Я предлагаю старостой Нону Мотельскую. Нона, как ты смотришь на это?»

Та сразу согласилась. Потом поставила условие – помощником у нее будет Виталий Расторгуев. Все рассмеялись. Виталий не возражал. Напряжение было снято.

В ходе учебы я, разумеется, составил собственное мнение о педагогах и соучениках. Учителей с каждым годом, по мере увеличения числа предметов, прибывало. Большинство преподавателей мы оценивали очень высоко, уважали их и любили. Да и в школе был особый микроклимат – атмосфера почти семейная, требовательная и добрая одновременно.

Например, классного руководителя, Анну Ивановну, ребята за глаза называли Аннушкой или, за маленький рост, Дюймовочкой.

Она относилась ко всем ровно, любимчиков у нее не было. Умела слушать, не перебивая, и обычно незаметно подталкивала ученика к нужному решению. Перед тем как поставить оценку за ответ, долго думала. Когда подводила итоги за каждую четверть, мы были очень довольны: ее оценки были справедливы.

Четыре года она вела класс – и ни одного крупного конфликта за все время! Конечно, это был замечательный педагог, к каждому она сумела подобрать ключик. Вот только почему-то особой теплоты и душевной близости у нас с классным руководителем не было.

Может, математика виновата?

Другое дело – Дина Георгиевна, преподаватель русского языка и литературы, кстати, единственная учительница, кого мы не наградили псевдонимом. С ней у нас установился душевный контакт.

Своими рассказами она всех буквально завораживала. Дина Георгиевна вела уроки сидя, возможно, потому, что была довольно высокого роста. Глядя на нас своими большими карими, чуть утомленными глазами, медленно и плавно жестикулируя, она читала стихи, величественно поправляя при этом свои локоны. Объясняя урок, могла вдруг встать, перейти к противоположной стене, сесть за парту и продолжать свой рассказ. А мы, зачарованные, поворачивались в ее сторону, словно подсолнухи – за солнцем, и жадно ловили каждое слово.

Она могла говорить весь урок об одном поэте или писателе, об одном произведении, даже об одном герое. А когда звенел звонок, как бы очнувшись, произносила: «Вот как мы хорошо поговорили...» А говорила только она.

Благодаря Дине Георгиевне мы полюбили Пушкина и Байрона, Лермонтова и Гёте, Есенина и Шиллера... И естественно, Некрасова, Тургенева, обоих Толстых, Гюго, Горького, Маяковского.

Физике нас учил Михаил Иванович, мы его называли коротко: Михель. Молодой педагог, третий год после института, стройный, чернявый, немного рассеянный. Был он по уши влюблен в рыжую десятиклассницу Зиночку, а она – в него. Об этом знала вся школа. Михель, рассказывали ребята, Зиночку к доске никогда не вызывал, но в дневнике у нее всегда стояли одни пятерки. Он вел урок живо, терпеть не мог тугодумов и все время поглядывал на часы, видно, ждал звонка с еще большим нетерпением, чем мы. В школе его любили, а он любил только Зиночку, рыжую как пламя. Но физику мы знали хорошо. Михель все же женился на Зиночке, но позже, когда та уже училась в Ростове, в институте.

Наша химичка, Александра Петровна, или, как мы ее называли, Петря, была пунктуальным, рассудительным человеком. Кажется, я и теперь слышу, как она строго говорит нам: «Конечно, не все из вас станут химиками, но предмет надо знать хорошо, поскольку ни литература, ни история, ни математика не могут обойтись без H_2O ». Шутка шуткой, а свой предмет она любила как никто, и это, несомненно, передавалось нам.

Ясное дело, немало места в школьной программе занимала история. Бурная, кипучая жизнь требовала осмысления прошлого нашей молодой страны. Нашу историчку Нину Петровну мы называли Вторая Петря, или Пролетарка. Она всегда появлялась с картами, схемами и непременно с указкой. Когда начинала урок, казалось, что вот-вот скажет: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Она посвящала нас в подробности жизни знаменитостей, рассказывала о слабых и сильных сторонах исторических деятелей. Мы обычно сидели с открытыми ртами.

Особо хочу сказать об уроках немецкого. Их вела Лидия Карловна. Немка по национальности, она была родом из Одесской области. Эти поселения немцев относятся к временам Екатерины II. Мне пришлось побывать здесь в годы Великой Отечественной войны: аккуратные деревушки, добротные кирпичные домики под черепицей, хорошие подворья. Оккупанты

большинство украинских и русских деревень уничтожили, а здесь все осталось целехоньким. Так-то, родная кровь...

Много лет спустя, беседуя как-то с Мильке (министр госбезопасности Германии), вдруг подумал: «А ведь и в нем живет национальный дух... Это истинный патриот».

Национальный дух был силен, как мне казалось, и в Лидии Карловне. И в принципе разве это плохо? Но тогда времена были иные: Германия, погрузившаяся в коричневые сумерки, уже пережила поджог Рейхстага, приход к власти фашистов...

Лидия Карловна и ее муж, окончив в Одессе пединститут, были направлены в Армавир. Муж работал в одной из школ завучем, она – у нас. Суховатая, немного сутулая, с крючкова-тым носом, неизменно в темном или темно-сером платье. Немецкие слова выговаривала четко, громко, а когда переходила на русский – шла сплошная скороговорка. Входя в класс, тотчас говорила: «Гутен таг, гутен таг, гутен таг». Лидия Карловна была замечательным педагогом и глубоким человеком, но все, что творилось тогда в Германии, я связывал со всеми немцами. Поэтому немецкий язык мне был просто ненавистен. Естественно, я не учил его. Как, впрочем, и некоторые другие ребята. Когда ко мне обращалась Лидия Карловна по-немецки, я отвечал: «Нихт ферштейн». А далее изъяснялся уже на русском. Негативному отношению к немецкому языку способствовало и появление в нашем доме «Коричневой книги». В ней рассказывалось, как фашисты шли к власти. Как загнали в подполье коммунистов и социал-демократов. Как организовали поджог Рейхстага... Лидию Карловну явно обижало плевое отношение к немецкому языку. Нередко, оставшись наедине, она обрабатывала своих учеников, в том числе и меня. Как она хотела, чтобы мы поняли простые истины: знание иностранного языка повышает культуру человека, раскрывает перед ним новые возможности; нельзя ненависть к фашизму переносить на язык, потому что язык Гёте и Шиллера – не язык нацистов. Она была абсолютно права, но тогда ее слова многие из нас упорно не хотели воспринимать. Потом, уже на войне, когда мы пришли в Германию, мне самому пришлось не раз повторять эти слова для боевых товарищей – однополчан. Мы не имели права становиться на одну доску с гитлеровцами. И я говорил им: язык Гёте и Шиллера – не язык фашистов... Вспоминая свои школьные годы сейчас, я восхищаюсь самоотверженностью не только Лидии Карловны, но и других моих учителей. Они делали все, чтобы мы учились осознанно, понимая, для чего это нужно. Школа сеяла в наши души зерна патриотизма, ответственности перед Родиной и народом. Это отнюдь не напыщенные фразы – именно так и было. И когда пришел грозный час испытаний, мое поколение, воспитанное советской школой, выдержало свой экзамен с самой высокой оценкой, явив миру массовый героизм на фронте и в тылу. С печалью я гляжу на нынешние российские школы и учителей. Как все изменилось! Совершенно другой мир. Школьники и учителя голодают. Падают на уроках в голодные обмороки. Педагоги месяцами не получают зарплаты, родители детей – тоже. Сообщениями об этом переполнена уже не только патриотическая и коммунистическая пресса. Страна докатилась до того, что родители собирают еду и через своих детей передают ее учителям. Ребята относят ее в столовую. На переменах учителя пьют чай с «родительскими» бутербродами, подкармливая, в свою очередь, ребятишек, которые уходят в школу без завтрака. Когда, при каком царе Борисе или генсеке было на Руси такое?

Зато новоявленные нувориши процветают. Тот же Чубайс только налог со своего дохода за 1996 год выплатил (под давлением прессы) в размере 515 миллионов рублей. Каков же весь его доход, если на один только его налог можно в течение года содержать в безбедном состоянии учителей четырех средних школ?!

Теперь открываются лицеи и гимназии для детей богатеев. Они, получая десятки миллионов в месяц, могут платить за обучение своих отпрысков любые суммы. А большинство из нынешних миллиардеров считает престижным посылать своих чад в Сорбонну, Гарвард и другие зарубежные университеты. Да что там «рядовые» миллиардеры! Внук президента России грызет гранит науки в Англии.

А каковы в российской системе образования школьные программы?! История нашей страны корежится предателями-властителями самым бессовестным образом. Весь советский период, с октября 1917-го и по август 1991-го, представляется зияющей черной дырой, сплошным бедствием народа. Поистине даже наши заклятые враги оказываются более объективными. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, которого к друзьям СССР никак нельзя причислить, отдавал должное великим достижениям советской державы.

В шестидесятых – семидесятых и восьмидесятых годах Советский Союз был самой образованной, самой читающей страной в мире. И система народного образования была лучшей в мире. Всё постарались разрушить нынешние горе-реформаторы. Теперь уже на официальном уровне признается, что в России ежегодно от одного до полутора миллионов детей школьного возраста не садится за парты. В стране четыре миллиона беспризорных детей! Появились почти безграмотные призывники в армию. И все это достигнуто без войны в мирные годы... При этом присутствует устойчивая тенденция роста этого недуга.

Сегодня выкорчевывается из жизни общества все духовное – нравственность, дружба, любовь, патриотизм – все, чем дорожили мы в годы Советской власти, все, что помогло нам выстоять в годы Великой Отечественной войны. Гитлер, напав на СССР, сильно просчитался. Он недооценил нас, когда говорил, что Советский Союз – это колосс на глиняных ногах. Свою погибель фашизм нашел именно в нашей стране.

Вернемся в Армавир, в мою школу. Со своими учителями я вас уже познакомил. Но в памяти моей живут и многие одноклассники. Кажется, стоит закрыть глаза, как они предстают предо мной такими, какими они были 60 лет назад. Николай Голубенко, Борис Щитов, Виталий Тройнов, Виталий Расторгуев, Зоя Дороничева, Нона Мотельская, Эдда Лагздынь, Лена Золотова, Надя Сомусенок... Я помню их лица, голоса... Все они были сильными учениками, а Борис Щитов и Зоя Дороничева входили, как и я, в состав редколлегии школьной газеты. Пожалуй, одним из самых популярных в школе слыл Леня Дубин. Это был авторитет не только для ребят, но и педагогов. Как-никак, главный редактор школьной газеты! Конечно, учителя под огонь критики не попадали, а похвала им перепадала, зачем скрывать! У нас было заведено так: от каждого из 7—10-х классов в редколлегию поначалу входили по одному-два человека, потом люди менялись. Я был стенгазетчиком «первого призыва», то есть попал на ответственный пост члена редколлегии еще семиклассником. Сразу же предложил организовать раздел юмора. Дубин поддержал, и мне же поручалось тянуть этот участок работы. Газету мы делали живую, красочную, без формализма. Иногда я просил Бориса Щитова оформить свой раздел – он здорово рисовал. Особенно нарядной газета бывала по праздникам. Закончился учебный год. Леня Дубин – уже выпускник – собирался поступать в Московский институт стали. Математику, физику и химию он знал блестяще. Однако Леонид на всякий случай подготовил и мосты для отступления – директор школы и Михель обещали, в случае неудачи, взять его лаборантом в физический кабинет. Перед отъездом Леня собрал редколлегию, чтобы попрощаться. А потом – ни с того ни с сего – брякнул: «Если вместо меня станет главредом Валентин... как, на ваш взгляд, справится? С директором я уже договорился». Все загалдели, что, мол, правильно, и тут же проголосовали. Когда мы с Леонидом остались вдвоем, я говорю: «Что ж ты делаешь, мог бы хотя бы сказать заранее, посоветоваться». – «Я советовался. Все единодушно одобряют. И комсомольский секретарь – тоже. А с тобой зачем советоваться? Знаю, будешь против... Кому охота этот хомут нести? Но я три года нес, а теперь ты понесешь», – сказал он. Вот так я принял эстафету, или, говоря Ленкиным языком, «хомут». Провожать Дубина пришло много ребят. Это растрогало его родителей. Мать даже заплакала, но сам Леня был в приподнятом настроении. Восторженно говорил о своем институте, его значении, огромном конкурсе. Кто-то пошутил: «Если не поступишь, мы утопим тебя в Кубани. Так что лучше не возвращайся». От этих слов мне почему-то стало неуютно, да и остальные замолчали. Обстановку, как всегда, разрядил Леня. Как ни в чем не бывало продолжал рекламировать институт.

Называл фамилии крупных ученых, окончивших его, заметил даже, что о престижности вуза можно судить по собственной многотиражной газете «Сталь». Ребята рассмеялись: «Ага, вот ты что надумал – пробраться в институт через нашу газету!» Снова поднялся галдеж.

Вдруг все стихло. Леня сказал кому-то: «Большое спасибо, что вы пришли». Я обернулся и увидел Михеля с его Зиной. Она, оказывается, приехала на каникулы. У обоих счастливые улыбки. Леня, Зина и Михель были друзьями. Между прочим, Леня тоже на Зину заглядывался.

Наконец дежурный ударил в станционный колокол, извещая об отправлении поезда. Все засуетились, начали прощаться, целоваться. Родители Лени подошли к ступенькам вагона, обняли сына. Мать плакала, отец давал последние наставления. И вот поезд тронулся, увозя моего друга. На душе стало немного грустно.

То был 1938-й. Много позже, когда мы с Дубиным служили в Заполярье, нам часто вспоминалось это время. Проводы – тоже. И тогда я узнал, что кто-то из родственников его матери был арестован. Она, разумеется, боялась, что это отразится на сыне при поступлении в институт, наверное, потому и проводила его со слезами. А может, просто грустила из-за разлуки. Мать есть мать... Леня хотя и обещал, но никому, даже родителям, долго не писал. Лишь в середине августа отбил сразу две телеграммы: одну домой, другую в школу: «Ура, я зачислен! Студент Дубин». Мы эту телеграмму поместили в своей газете – в первом номере после начала нового учебного года.

Если не ошибаюсь, из того выпуска в институты и техникумы поступили все, кроме одной девочки, да и то потому, что она попала в больницу.

В восьмом классе я почувствовал себя увереннее, крепче. Все систематизировалось – и учеба, и работа в газете, и занятия спортом. Обычно после уроков я задерживался в школе на час-полтора: выполнив письменные домашние задания, оставлял тетрадки в парте – знал, что ими пользуются некоторые ребята...

Но, конечно, после отъезда Леонида львиную долю времени у меня, его преемника на посту главреда, отнимала наша стенгазета.

Мне хотелось, чтобы «наших» было в редакции побольше. Моими стараниями в редакцию вошли Борис Щитов, художник, и Зоя Дороницева, хорошо владевшая словом. К тому же она никогда не отказывалась от заданий. Наша газета, бесспорно, имела свое лицо. Первую колонку занимала передовая статья общеполитического содержания. Ее часто писал кто-нибудь из преподавателей. Две другие колонки рассказывали о жизни школы, здесь мы «заверстывали» живые репортажи из классов. На четвертой мы юморили. Со временем, сохраняя «юморную» направленность, она стала «Малой школьной энциклопедией». Мы брали различные понятия и умышленно утрировали их, подгоняя под представления некоторых своих товарищей. Словом, высмеивали свои собственные пороки. «Малая школьная энциклопедия» не сразу, не вдруг, но стала необычайно популярной. Даже учителя останавливались перед газетой, чтобы посмеяться.

По-прежнему я увлекался и спортом. Занятия с Тиграном были расписаны по комплексам – для него и для меня. Разница была в том, что у меня отсутствовала штанга, я ее не любил, а Тигран ею как раз увлекался. Штангу смастерили сами. После занятий вставляли под душ, который соорудили у нас во дворе – для общего пользования.

С каждым месяцем и годом я чувствовал, как наливаются мышцы, как здоровеет мое тело. С какой благодарностью я буду позже, на фронте, вспоминать своего дворового тренера, его самодельные снаряды и суровую требовательность к подопечным! Ведь за всю войну я ни разу не болел, если не считать ранений да малярию в начале лета 1943-го на Северском Донце...

Что касается работы в мастерской, то после нескольких ссор с мачехой Клавдией Моисеевой (она потребовала выбросить серную и соляную кислоты, боялась отравления) я сдался

и решил полностью переключиться на кораблестроение. Да и Владимир Рудич советовал и даже вооружил меня необходимой литературой.

Для начала я решил смастерить самодвижущийся катер из металла, на что угробил массу времени. Увы, первый блин вышел комом, хотя движитель уже был и действовал. Раз уж из металла не получилось, пришлось корпус вырезать из дерева. Ничего, для макета и дерево сойдет. На устойчивость испытывал его, создавая искусственные волны. Экзамен корпус выдержал. Пора приступать к монтажу движителя. Здесь, конечно, мне помогал Володя.

Странно, но все получилось буквально с первого захода. Модель действовала! Все принципиально было правильно, а вот внешний вид модели, увы, оказался неудачным. Все-таки требовался металлический корпус.

Володя пообещал его сделать, если я дам ему глиняную формочку. На Армалите он вначале отлил чугунные поделки, а потом, уже из тонкой жести, выдавил корпус. Вообще, к моей просьбе он отнесся исключительно серьезно. Написал своему другу, который служил с ним в одном подразделении в Кронштадте, а теперь работал лаборантом и одновременно учился в Ленинградском кораблестроительном институте. Тот сообщил, что при их лаборатории создан постоянно действующий совет, решающий сразу две проблемы: разбирает рационализаторские предложения, приходящие в адрес института, и поддерживает связи со школами, проявляющими интерес к кораблестроению. И самое интересное – шефом лаборатории, где работал друг Володи, был академик Алексей Николаевич Крылов. Мне, правда, это имя тогда ничего не говорило, зато приятель сразу загорелся.

– Мы должны подготовить модель и написать небольшой реферат для лаборатории, – решил он, – пусть в Ленинграде рассмотрят твою работу. И потом, это прямой путь в институт, а для тебя это весьма важно – сколько остается до окончания школы? Всего ничего – два с половиной года. Усёк?

Его настроение тотчас передавалось не лишенному амбиций «вьюноше», каким тогда был я. Словом, мы наметили конкретный план действий.

Я рассказал обо всем отцу. Тот повстречался с Володиёй, после чего затею нашу не только одобрил, но сказал даже, что готов помочь в изготовлении модели. Я был на седьмом небе! Но скоро только сказка сказывается. Не все получалось так, как хотелось! Трижды переделывали корпус, несколько раз меняли способ крепления котла, неоднократно – корму. Требовалось сообразовывать выхлопы паров через трубки с положением руля; последнему полагалось быть ниже и не подвергаться влиянию выхлопов. Короче, закончил модель лишь осенью, а это был уже девятый класс!

Затянулось дело и с рефератом. Отцу не нравилось, что мы ограничились описанием технической стороны, не затрагивая вопросов предназначения боевого катера. Только в конце года все наконец отправили и стали ждать.

День 15 декабря 1939-го для меня был знаменателен дважды. Мне исполнилось 16 лет, я получил паспорт. И в этот же день отправил в Ленинград посылку со своим детищем. А уже весной следующего года получил из Ленинградского кораблестроительного института не только ответ, но и грамоту. Я награждался за создание действующего макета боевого корабля. Одновременно Володе пришло письмо от его ленинградского друга, где сообщалось: работу твоего ученика рассмотрели, она ничего необычного не несет; но, дабы поддержать Варенникова, решили наградить его грамотой; надеемся, это станет для парня стимулом.

Конечно, стимул! Настоящее событие! Все меня поздравляли. Я был безмерно рад, счастлив. Впереди открывались захватывающие перспективы!

...Мне нравился наш город. Аккуратный, чистый, зеленый. И люди вокруг были добрыми, внимательными. Не было нищих, беспризорных детей, бездомных стариков, безработных. Жители забыли невзгоды гражданской войны, разруху и все связанные с ними слова, начинающиеся страшной приставкой «без (бес)». И преступности не было. Проституции – тем

более. И других «прелестей» капитализма. Того, что появилось сейчас в Москве, да и по всей стране, мы тогда не знали и не могли даже представить, как это все выглядит.

Конечно, наша армавирская жизнь была далеко не идеальной, оставались материальные и бытовые проблемы, мы жили скромно, без роскоши, но в целом все-таки хорошо.

Что скрывать, случались в стране и перегибы, и невинных арестовывали на основе ложных доносов. Многие незаслуженно отбывали наказания. Но то были не массовые, как сейчас принято говорить, репрессии – чего не было, того не было. Они имели место прежде всего в отношении командных кадров Красной армии и ряда государственных деятелей. А в общем, страна была на подъеме. Словом, тогда, в предвоенные годы, можно было жить и не тужить. Каждый человек был уверен в завтрашнем дне. И не только в своем, но и родного государства. Как хотите, а по нынешним временам это просто бесценная вещь. Никаких банд, никакого экстремизма и сепаратизма. У людей хватало средств для приобретения всего необходимого. Многие горожане, имевшие двор, держали кое-какую живность, обрабатывали огород. Кстати, был он и у нашей семьи. Армавир в те годы считался театральным городом. Популярным был местный театр – даром что провинция! Аншлаги случались не только на премьерах. Не оставались без внимания несколько клубов, два кинотеатра, музей, библиотеки. Большой городской парк в выходные дни по вечерам был переполнен. Музыка, мороженое, ситро... Но никаких ограблений, убийств. Мы бродили до поздней ночи по самым темным аллеям, не боясь бандитских нападений, и родители с легкой душой отпускали нас, не опасаясь за наши жизни. А сегодня? Стоит включить телевизор – очередное громкое убийство. Могут среди бела дня у подъезда твоего же дома застрелить, и никто не пошевелит пальцем, чтобы найти убийцу. Будут только фальшивые вздохи по телевидению и в прессе. Или сообщат, что, мол, напали на след, вот-вот схватят убийцу. Но проходят годы, и дело затухает... Ничего подобного во времена моего отрочества не было. Армавир – городок провинциальный, был тих и спокоен. Я ходил в школу, работал в своей мастерской, в беседах отводил душу с отцом. А Вторая мировая стояла у порога, уже сжигая Европу. Все чаще и отец говорил об этом. Да разве только он? И по радио – о войне, и в газетах – о ней. Естественно, что и мы, ребята, рассуждали и спорили – будет война или нет. Давайте вместе перелистаем хронику надвигающейся грозы. За точку отсчета возьмем итоги Первой мировой войны. Они, как известно, предрасполагали не к миру, а к новой бойне. Появилось несколько групп государств, имевших – в разной степени – влияние на мировые процессы. Первая группа – победители: США, Великобритания, Франция, Италия, Япония. Они стремились диктовать свои условия всем остальным. Вторая группа – побежденные. Это Германия, Австрия, Венгрия, Болгария, Турция. И еще одна группа – страны, находившиеся в политической, экономической и военной зависимости от великих держав. К ним относятся Бельгия, Голландия, Испания, Португалия и другие малые страны. Отдельно стояли «нейтралы» – Швейцария и Швеция. И колонии, где только-только просыпалось национально-освободительное движение. Как утес в океане, сам по себе, возвышался Советский Союз, родившись после Первой мировой войны в результате революции.

Итак, Версальский договор не стал гарантом мира, а, наоборот, нес в себе новый раздрай между ведущими государствами. Он лишил Германию права на мощные вооруженные силы: ее армия не могла превышать ста тысяч человек. Запрещалось иметь танки, самолеты. Генеральный штаб ликвидировался, а военная служба в стране не считалась обязательной. Мало того, Германия обязана была выплатить победителям до середины 1926 года 20 миллиардов золотых марок. А в течение последующих тридцати лет – еще почти 5 триллионов золотых марок.

Конечно, для немцев это был грабительский договор. Он обрекал даже внуков и правнуков на жизнь в кабале.

Авторы Версальского договора внешне проявляли заинтересованность в недопущении (пресечении) военных конфликтов. Для того и создали Лигу Наций. Что же касается Советского Союза, то у него тогда не было резко выраженных позиций в отношении политики запад-

ных стран – нами предлагалась политика мирного сосуществования. Зато у Запада эти позиции прослеживались четко – они СССР фактически изолировали.

Стремясь вырваться из омуты политической и экономической изоляции, Советский Союз постепенно устанавливает дипломатические отношения со многими странами мира. В первую очередь – с ближайшими соседями. Налаживаются взаимовыгодные контакты и с Германией. А у последней в то время одна сверхзадача: избавиться от кандалов Версальского договора. И это удается.

Первым прорывом стал Рейнский гарантийный пакт. Согласно ему Англия и Франция взяли обязательство гарантировать мир на западных границах Германии. Характерно, что ее восточные границы не оговаривались; следовательно, немцам предоставлялась полная «свобода рук» на Востоке. В соответствии с подписанным в 1926 году в Локарно соглашением, Германия вступает в Лигу Наций. Немцы пошли на сближение с Западом в ущерб советско-германским отношениям. Это был прецедент. Наше правительство отмечает: договор в Локарно направлен своим острием против СССР.

Как должно было в такой ситуации поступить советское руководство? Разумеется, принять меры к укреплению экономической и оборонной мощи страны. Что и делается. В СССР разрабатывается военная доктрина. Четко определяется расстановка военно-политических сил. Анализируются возможные варианты нападения на страну. Прорабатываются основные направления военного строительства. Одним словом, предпринимаются экстренные меры. И это было оправдано. В 1929 году в странах Запада разразился тяжелый экономический кризис, он длился несколько лет. Естественно, все внимание правительств этих стран сосредоточивается на внутренних проблемах. Именно тогда наши отношения с целым рядом государств улучшаются. Заключаются двухсторонние договоры, пакты о ненападении. Но вот к власти в Германии приходит Гитлер, и картина резко меняется. Фашистский рейх ставит агрессивные цели: ликвидировать Версальский договор, уничтожить или максимально ослабить силы, мешающие германской экспансии. Высшие гитлеровские бонзы мечтают получить доступ к источникам сырья, затем установить свое господство в Европе, а потом и в мире. На этом пути предусматривается уничтожение Франции, Англии и, конечно, СССР. Остальные – сами склонят голову. Все это подробно изложено в книге Гитлера «Майн кампф» – «Моя борьба». Таковы реалии. Однако СССР – уже не та царская Россия, с которой Германия пробовала свои силы в Первую мировую войну. Он располагает достаточно высоким военным потенциалом. Для острастки не мешает это продемонстрировать, и в сентябре 1935 года проводятся маневры Киевского военного округа. В них участвуют не только стрелковые и кавалерийские части, но и танки, механизированные войска, применяются массированные воздушные десанты. Попросту говоря, было показано проведение глубокой наступательной операции. Приглашенные на учения иностранные гости шокированы. Маневры засняты кинооператорами, пленки разошлись по всему миру. Эффект оказался огромным. Надо ли удивляться, что вскоре с нашей страной стали подписываться договоры о взаимной помощи? И все же главным просчетом политики западных стран того времени остается недооценка реальной опасности фашистской агрессии. Прежде всего это имеет отношение к Франции и Англии. Верно прогнозировать были способны только отдельные личности из тогдашних западных политиков. К ним относится Уинстон Черчилль. В июле 1936-го в Испании вспыхнул фашистский мятеж. Народ поднялся на защиту своей республики. На древнюю землю Дон Кихота прибыли свыше 50 тысяч добровольцев-антифашистов из 54 стран мира. А Советский Союз отправил, кроме добровольцев, 400 танков, 1200 орудий, 650 самолетов, большое количество стрелкового оружия, боеприпасов, военного имущества. Однако сторонники республики не были должным образом объединены. Гитлер и Муссолини, сосредоточив все усилия вокруг Франко, оказались в более выгодном положении. Республики потерпели поражение.

И вот тут в политике западных стран начинает просматриваться тенденция умиротворения агрессоров – Италии и Германии. Кто стал зачинателем? Правители Англии и Франции. Лавры первенства в этом позорном деле, безусловно, принадлежат Невиллу Чемберлену, английскому премьер-министру. Последовавшая затем политика «невмешательства» окончательно развязала Гитлеру руки.

В начале 1938-го на заседании рейхстага фюрер заявил: «Более 10 миллионов немцев живут в двух государствах, расположенных у наших границ. В интересы германского рейха входит защита этих немцев там, где они не могут сами отстоять свою политическую и духовную свободу». О каких немцах говорил он? Конечно, о проживавших в Австрии и Чехословакии. Подобными заявлениями Гитлер готовил общественное мнение к мысли, что эти страны следует присоединить к Германии.

Можно ли было тогда рассчитывать на объединение европейских сил, дабы обуздать новоявленного «бонапарта», одержимого идеей мирового господства? Нет! Англичане вели с ним свои «кошки-мышки». Например, заместитель премьер-министра Великобритании лорд Э. Галифакс в беседе с Гитлером 19 ноября 1937 года прямо заявил: если Германия, дескать, будет уважительно относиться к целостности Британской империи, то последняя не станет перечить фюреру в его намерениях, связанных со странами Центральной и Восточной Европы. А Франция, запутавшись в своих внутренних проблемах, давала понять, что она зеркально отражает политику своего английского партнера. США, третий партнер, поддерживали политику двух первых, следовательно, тоже отстаивали принцип «свободных рук» для Гитлера.

Тот начал с Австрии. В феврале 1938-го фюрер встречается с канцлером К. Шушнигом и буквально требует полного подчинения. Шушниг вынужден парафировать предложенный ему текст соглашения, но через месяц объявляет: 13 марта будет проведен плебисцит о присоединении или неприсоединении Австрии к Германии.

Для Гитлера это равносильно пощечине. Как стерпеть такое?! И тогда, 12 марта, рано утром он вводит в Австрию 200 тысяч немецких солдат. Страна пала за день до намеченного плебисцита.

Вокруг этого события поднялась большая политическая трескотня... Тогда народный комиссар иностранных дел СССР М. Литвинов предложил немедленно созвать Лигу Наций, чтобы обсудить ситуацию. Первой наше предложение отвергла Англия.

С захватом Австрии немцы, несомненно, улучшают свое общее стратегическое положение. Ими созданы благоприятные условия для оккупации Чехословакии. Кроме того, открылись пути на юг – в Италию и на Балканы, а также на восток – к Польше и Советскому Союзу. Всем ясно: следующим объектом германской агрессии станет Чехословакия.

В те дни английский дипломат Сидс доносил из Москвы в Лондон, что «Красная Армия считает войну неизбежной», «подготовка к ней идет напряженно» («Британские дипломатические документы», раздел «Советский Союз, 1917–1939 годы». Т. 16. С. 65).

Да, мы готовились к тому, что считали неизбежным. Сложив руки не сидели. На протяжении многих лет, благодаря осуществленной в короткие сроки индустриализации страны, была создана современная, высокого уровня материально-техническая база государства.

И культурную революцию успели провести. И людей смогли воспитать в духе патриотизма, преданности своей Родине. Это не высокие слова, а та правда, которая помогла всем нам стать в 1945-м Народом-Победителем. «Почему наша боевая техника и вооружение лучшие?» – такой вопрос задали на телевидении генеральному директору «Росвооружения» А. Котелкину. Тот прямо ответил: «Вы думаете, мы все последние 70 лет ничего не делали?» Верно, мы капитально занимались обороной страны. Умы наших бесценных ученых и золотые руки наших рабочих создали такое, чего на протяжении последних десяти лет даже сейчас не могут сделать в США. Жаль только, что позволили врагам Отечества развалить уникальный военно-промышленный комплекс нашей страны.

В 1939 году Сталин неоднократно подчеркивал: в политической игре, начатой элитами западных государств, сторонниками невмешательства, таится большая опасность. Эта игра может закончиться для них серьезным провалом. То было дальновидное предупреждение правителям Англии, Франции и США.

Буквально через пять дней после сказанного Сталиным немецко-фашистские войска оккупировали Чехословакию, а чуть позже, в конце марта, захватили литовский Мемель. От Польши немцы тоже потребовали территориальных уступок. Маски были сброшены, иллюзии рассеяны. Война вползала в Европу.

Мюнхенский урок многому научил советское руководство. Можно было определенно сказать: в Москве поняли, что коварные политики Англии и Франции только способствовали политике Гитлера. И «западные демократии», и «бесноватый» фюрер сделали все возможное для нанесения максимального ущерба Советскому Союзу. Они извивались штопором в своей дипломатии, чтобы столкнуть лбами Германию и СССР. Находясь в полной изоляции, руководство нашей страны делало все, чтобы прорвать блокаду, найти пусть временных, но союзников. В сфере этих действий, естественно, оказалась и Германия.

Когда сегодня слышишь от некоторых политологов, дипломатов, что, мол, такими кон тактами мы поставили себя в один ряд с Германией, что Гитлер и Сталин – «одинаковое зло», то возникает желание назвать подобные рассуждения мерзостью. Относится это и к писаниям некоего Резуна (Суворова).

Его «Ледокол» – не просто книга, рассчитанная на сенсацию, – это бы еще не беда! Она насквозь лжива, ставит факты с ног на голову. Человеку, предавшему Родину, захотелось убедить читателя: не Гитлер агрессор, а Сталин! И он пыжится, чтобы что-то доказать, пытается убедить... Кого? В чем? Нас, прошедших через пожар Великой Отечественной? Или наших внуков, знающих о ней по учебникам? Конечно, внуков! Он-де «открывает им глаза», «просвещает». Этот трус и предатель, извращающий историю войны, вознамерился «отнять» внуков у фронтовиков – вот в чем суть. Подлая суть! И верны утверждения некоторых публицистов, что Великая Отечественная война не окончена, она продолжается и сегодня в умах – предатели сражаются с нами из фашистского окопа, на стороне врага.

Гитлер очередной жертвой определил Польшу. Хотя и сидел совсем недавно за одним столом с поляками, когда делили «чехословацкий пирог». Тогда от этого пирога полякам досталась значительная доля, они ее проглотили, а теперь должны быть готовы к тому, что их проглотит Германия. Как лучше реализовать этот замысел? Гитлер предпринимает усилия по изоляции Польши от западных стран, одновременно стремится нормализовать отношения с СССР. На что рассчитывает? На то, что советское руководство пойдет на переговоры скорее с ним, чем с чванливым польским правительством, уже замаравшим себя в «чехословацком деле».

Для этого требовалась мощная политическая провокация в отношении Польши – это было в манере Гитлера. Раз нужно – будет! Появляются условия: во-первых, передать Данциг в распоряжение Германии; во-вторых, предоставить ей автостраду и железную дорогу – они пересекают польский коридор. И тогда начинается самое интересное. Польша, разумеется, отказалась, а этого как раз и добивался Гитлер. После чего приводится в исполнение план нападения на Польшу.

Началась дипломатическая суeta. Чемберлен, как обычно, становится в позу, заявляя: Англия не окажется в стороне. Если, мол, Польше будет угрожать опасность, то ее правительство обязательно получит всяческую поддержку. Одновременно Чемберлен заявил, что такой же позиции придерживается и Франция. Но Гитлер – ноль внимания! Он понимал несостоятельность политики тогдашних лидеров Англии и Франции и не принимал их в расчет.

Тогда Англия и Франция решают начать переговоры с Советским Союзом, явно надеясь на то, что это сделает Гитлера внимательнее к их пожеланию – оставить Польшу в покое. Но советское руководство уже имело горький опыт переговоров с лидерами английской и фран-

цузской «демократии». Кстати сказать, политику последних прилюдно критиковал даже Черчилль... Поэтому Москва выступила со встречными конкретными предложениями. Они состояли в следующем: «1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. 2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с Советским Союзом, в случае агрессии против этих государств. 3. Англия, Франция, СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение пунктов 1 и 2. 4. Английское правительство разъясняет, что обещанная ими помощь Польше имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии. 5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо вовсе отменяется – как направленный против Советского Союза. 6. Англия, Франция, СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга. И без общего для всех трех держав согласия. 7. Соответствующее соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу пункта 3. 8. Признать необходимым для Англии, Франции, СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи» (Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939 годы. Т. 2. С. 72). Все четко и ясно. Но Лондон и Париж обошли молчанием предложение Москвы, видимо, именно потому, что эти предложения строго определяли обязанности каждой из сторон. С назначением на пост народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова поползли слухи, что внешняя политика государства изменится. Нет, не изменилась! Суть кадровой перестановки диктовалась положением в мире. Сама ситуация требовала другой фигуры на этом посту – более авторитетной, самостоятельной, способной принимать решения без долгих согласований, как это вынужден был, к сожалению, делать Литвинов. Ведь он, в отличие от Молотова, не входил в состав Политбюро, не был приближен к Сталину.

Советское правительство 2 июня 1939-го вносит предложение: подписать с Англией и Францией договор о взаимопомощи; одновременно и военную конвенцию, где предусматривалось оказание тремя державами помощи Польше, Финляндии, странам Прибалтики, Греции, Турции и Румынии. Но Англия и Франция отклоняют этот проект. Очевидно, причина была в том, что они боялись Страны Советов, пресловутой коммунистической опасности. Вдруг набравший силу на одной шестой части мира социализм перекинется к ним? Страшно подумать! И снова их взгляды устремились к Германии...

Англия, ведя вместе с Францией переговоры с Москвой, параллельно и тайно вступила в контакт с немцами. Речь шла о заключении нового «пакта четырех» (Англия, Франция, Германия, Италия). При этом в основу последнего англичане положили разделение сфер влияния между Англией и Германией. Идя на уступки немцам, они многим жертвовали (прежде всего – за счет Польши). Мало того, они предлагали Гитлеру огромный заем – 1 миллиард фунтов стерлингов. То был вообще нонсенс.

В итоге дипломатической возни возникло несколько очагов переговоров. Все это время Гитлер активно действовал. В начале августа 1939-го разведка доложила Сталину: Германия может выступить против Польши в любой момент, начиная с 25 августа... Одновременно посол Германии в Москве граф Шуленбург в беседе с Молотовым заявил, что Германии конфликта с Польшей не избежать. Однако прежде желательно иметь соглашение между Германией и СССР, в интересах последнего Гитлер может пойти на большие уступки. Руководство нашей страны, взвесив все за и против, пришло к выводу: для Советского Союза в условиях вихляющей политики «западных демократий», растущей угрозы со стороны Японии заключение

с Германией договора о ненападении есть единственно правильный выход именно в данной ситуации.

Он дает значительные преимущества СССР, в первую очередь – время, необходимое для подготовки обороны страны; окатывает холодным душем антисоветчиков в Англии и во Франции, постоянно подталкивающих Гитлера к агрессии против Советского Союза. Этот вывод очень важен. Нынче у наших политологов и историков он почти отсутствует.

Тогда, перед началом Второй мировой войны, кажется, только Черчилль разоблачал губительность соглашательской политики «умиротворения агрессора». Он открыто призывал к союзу с нашей страной, фактически поддерживал предложение Советского правительства о создании антигитлеровской коалиции. Разумеется, были и другие, солидарные с Черчиллем, но их голосов в Москве не слышали.

Заключение Пакта о ненападении между СССР и Германией снижало градус напряжения, что переоценить очень трудно. В то же время этот пакт был своеобразным средством нажима на Англию и Францию, а с ними СССР рассчитывал продолжать переговоры. Договор, о котором идет речь, подписан 23 августа 1939-го. Он имел дополнительный протокол, не подлежащий опубликованию. Пакт заключался на 10 лет. Стороны брали обязательства не применять силу в отношении друг друга, постоянно проводить консультации, все конфликтные ситуации разрешать мирно. Сталин, как и советское правительство, иллюзий в этой связи не строил. Он знал: война с Германией неизбежна. Сие необходимо подчеркнуть, поскольку об этом часто умалчивают. Нашей стране, рассуждал Сталин, требуется возможно больше времени для подготовки к предстоящей войне. А еще важно то, что этим договором продвижение Германии на восток ограничивается. И Прибалтика против СССР использована не будет. Что касается Польши, то тут нет смысла строить какие-либо догадки, в том числе утверждать, будто советско-германский договор стал причиной нападения Германии на эту страну. Ведь документально подтверждено: Гитлер решение о захвате Польши принял уже весной 1939-го... Теперь о секретном протоколе. Здесь есть вопросы. Газета «Известия» 21 августа 1987 года напечатала стенограмму разговора Молотова с Риббентропом при подписании договора и протокола. Имперский министр говорил о «духе братства, который связывал русский и германский народы», но Молотов прервал его: «Между нами не может быть братства. Если хотите говорить о цифрах, то давайте приступим к этому». И они с начертанных Риббентропом мифических облаков спустились на грешную землю – повели речь о цифрах. Протокол уточнял сферы влияния СССР и Германии в Восточной Европе. Северная граница Литвы проходила по рекам Нарев, Висла и Сан. В случае конфликта Германии с Польшей немецкие войска не должны переходить рубежей этих рек, вторгаться в Латвию, Эстонию и Финляндию. В то же время Германия признавала интересы СССР в Бессарабии. Сегодня так много желающих бросить камень в наш огород, обвинить в нарушении наших же принципов. Кое-кто даже усматривает здесь сговор Германии и СССР. Сегодня легко рассуждать и обвинять. Но посмотрите на реальную обстановку! Разве могло советское правительство позволить себе стать белой вороной в мире обмана и предательства? Вот и выходит, что среди волков следовало быть по-волчьи, а не петь соловьем. Сталин и Молотов, как в свое время Иван Грозный, Петр Великий и Екатерина II, делали все во имя интересов Отечества.

Если бы мы не решили всех проблем по Прибалтике, Польше и Бессарабии так, как это сделал Сталин, то, естественно, туда вошли бы войска Германии. Следовательно, мы лишились бы того буфера, который приобрели накануне Великой Отечественной войны. Эти действия нам позволили, во-первых, оттянуть начало нападения Гитлера на Советский Союз и, во-вторых, с началом войны в значительной степени самортизировать первые удары.

Потому-то когда СССР предъявил Румынии ультиматум в отношении Северной Буковины и Бессарабии, то фюрер упрекнул в этом Риббентропа: почему такое случилось? И

последний, оправдываясь, писал, что он, дескать, в июне 1940-го «выбрал для протокола формулировку общего характера» (СССР – Германия. Т. 2. С. 59).

Уже говорилось, что Гитлеру для нападения на Польшу требовалась провокация – таков был его стиль. И вот вечером 31 августа 1939 года «польские солдаты» захватывают в немецком приграничном городе радиостанцию, призывают начать войну против Германии. А в тот же день, но несколькими часами раньше Гитлер... подписал приказ о наступлении на Польшу.

Военная машина рейха двинулась вперед. Но не все шло столь же гладко, как задумывалось. Фашисты несли ощутимые потери. Гитлеровской агрессии противостояла не только регулярная армия, но и партизаны. А главарь Третьего рейха торопился, он хотел покончить с Польшей стремительно, поставив мир перед фактом. И еще была у него надежда: вдруг в результате раздела Польши Советский Союз вызовет негодование Запада? Глядишь, могут и войну ему объявить!

К счастью, не сбылось...

Немцам вслед за вторжением удалось быстро оккупировать почти всю Польшу.

Вскоре 21 гитлеровская дивизия оказалась в 150 километрах от нашей границы. Советское правительство объявило: события в Польше таят в себе многие неожиданности, могущие составить угрозу для СССР. Поэтому он не может оставаться нейтральным. 17 сентября Красная армия перешла границу с Польшей и заняла районы, согласованные с немецкой стороной. К 9 октября 1939-го воинские части Германии и СССР стояли на так называемой линии Керзона, официально признанной ведущими странами мира.

В повестке дня нашей политики теперь была Прибалтика. В конце сентября и начале октября Эстония, Латвия и Литва подписали с СССР договоры о взаимопомощи. Согласно им контингенты советских войск размещались в Прибалтике на принципах аренды помещений по согласованному плану, что означало: в случае нападения Германии на эти страны СССР окажет им помощь. Стратегическое нависание Прибалтики с северо-запада над нашей границей имело огромное значение. В октябре и ноябре 1939-го части Красной армии расположились там гарнизонами. Но у нас были еще две проблемы – Финляндия и Дальний Восток.

Конечно, Япония держала нос по ветру. Она внимательно следила за событиями в Европе, постоянно контактировала с Гитлером. Ее притязания конкретны – территориальное расширение за счет нашей страны. В конце тридцатых напряжение на Дальнем Востоке приобретает угрожающий характер. Начинаются провокации. На озере Хасан – летом 1938-го, а затем на реке Халхин-Гол – год спустя. В обоих случаях японцам был преподнесен должный урок.

Но было ясно: они ждали вовлечения СССР в европейскую войну, чтобы добиться своих целей. Способствовал этому и договор между Германией, Италией и Японией: так называемая ось Берлин— Рим – Токио.

Теперь о советско-финской войне. Прямо скажу, она не подняла наш престиж, хотя, казалось бы, поставленные задачи были выполнены. Антисоветская психическая атака, последовавшая вслед за этой войной, – вот что стало ее концовкой.

Но нам надо было выбрать одно из двух: или проводить политику превентивных действий, способных поставить страну в более выгодное стратегическое положение, или демонстрировать свою непорочность и тем самым позволить сесть нам на шею. Таков мой личный вывод. А дальше можно порассуждать. Тогдашние события, включая падение Франции и стран Бенилюкса, свидетельствуют: предпринятые СССР шаги в целом оказались своевременными и необходимыми. Вторая мировая война фактически уже шла. Ныне утверждают, что она началась с момента нападения Германии на Польшу. Может быть, формально так. Но фактическое ее начало – аншлюс Австрии и захват Чехословакии. Нападение на Польшу, создание там ударной группировки – прямое следствие всего предшествующего. Создавался трамплин для прыжка на Советский Союз.

И этот трамплин означал, что «гроза» уже вплотную приблизилась к нашему дому. Мир катился к большой войне.

Глава 3

Тревожная юность

Сталин и Гитлер, их высказывания, оценки. – План «Барбаросса». – Директива Гитлера № 21 – молниеносная война. – Встреча с «Гитлером». – Память о Сталине в народе – это не памятник, ее не уничтожишь. – Подлость Хрущева. – Война. – Армия. – Мы в Свердловске

Прекрасная, неповторимая пора юности, пора волшебных грез, романтических мечтаний, самых смелых фантазий... В юности человеку кажется – он может все. Однако, как говорят мудрецы, «если бы молодость знала, если бы старость могла»... Люди старшего возраста ведают: молодость – это тот недостаток, который очень быстро проходит. Но сколько бы седовласые, умудренные жизнью старцы ни советовали юнцам беречь молодость, те воспринимают их слова с беспечной улыбкой – мол, сами с усами. И они тоже правы, ибо только в юности человека переполняют мечта, лирика, романтика, вера. И счастлив тот, кто сумеет через всю свою жизнь пронести и сохранить в душе эти бесценные сокровища...

У Аксакова есть прекрасные слова: «Не дай душе твоей забыть, чем силы в юности кипели». Я не состоялся как корабел. Мечты не исполнились, но жизнь состоялась. Понятно, на мою судьбу, как и на судьбу моего поколения, решающее влияние оказало все то, что несла с собой война. Не будь ее, жизнь народа и моя жизнь, несомненно, сложилась бы по-иному.

Судьба подбрасывала мне опасные, подчас смертельные повороты, рискованные испытания. Но в том-то, наверное, и смысл нашего бытия, чтобы преодолевать трудности. Так или иначе, но, пройдя Великую Отечественную, я остался жив, хотя мог – сотню раз мог! – погибнуть. А потом были Афганистан, Чернобыль, служба в Заполярье... Тоже, доложу вам, не сахар. Но представьте, остался жив.

Во время моей юности мы много спорили о смысле бытия, мечтали о том, чтобы оставить свой след на земле. Что надо сделать, чтобы тебя помнили не только самые близкие – вообще люди, которых ты даже не знаешь? Тут уже судьбой не прикрыться, не заслониться. Тут нельзя рассчитывать на влиятельного дядю или папу. Все зависит от тебя самого. Как сложилась моя жизнь, что мне удалось, меня в основном удовлетворяет, хотя, признаюсь, далеко не в полной мере. В последние годы, многое переоценивая, вижу: того недобрал, а другое могло быть сделано получше, третье упустил... Мне шел восемнадцатый, когда я стал защитником Родины. И пошел двадцать второй, когда война закончилась. Но это – формальная арифметика. А если учесть, что во время войны год считался для солдата за три (а вообще-то такое правило должно бы касаться не только тех, кто находился на передовой, а, скажем, и участников трудового фронта), то цифирь выходит совсем иная: не двадцать второй мне пошел, а тридцатый!.. А может, и постарше я был. Тут у каждого свой счет войне. Он складывается из чувства ответственности, из утрат и горя, выпавших на солдатскую долю. А у меня после мая 1945-го началась пятилетняя служба в оккупационных войсках в Германии. На казарменном положении. Это, добавлю, тоже испытание. А там смотрю – уже и юность прошла, оставив после себя больше тягостных раздумий, чем радости. И так почти у всех моих сверстников. Прежде чем говорить о том главном, что определило судьбу не только моего поколения – миллионов и миллионов людей, – о войне, хочу остановиться на двух фигурах, ставших центральными в кровавом противоборстве двух систем, двух миров: Сталин и Гитлер. Мне возразят, что ставить их рядом некорректно, и будут правы. Ведь и тот и другой стояли во главе своей партии и своего государства с диаметрально противоположными идеологическими целями, задачами, методами их достижения и моралью. Но я хочу представить читателю Сталина и Гитлера, опираясь на документы, на их собственные высказывания, на мнения их соратников. Представить такими, какими они были на самом деле. Постараюсь показать их роль в подготовке

и начале Второй мировой войны, опираясь опять-таки на документы. Начну с Гитлера. Одержимый идеей мирового господства, однажды он высокомерно и самоуверенно произнес: «Я повергну в прах Россию и этим нанесу большевизму смертельный удар». Именно он, Адольф Гитлер, развязал Вторую мировую войну, унесшую миллионы человеческих жизней. Именно Гитлер – инициатор и виновник массового уничтожения мирных людей и военнопленных на оккупированных территориях. Это было зафиксировано на Нюрнбергском процессе. Именно он – военный преступник № 1.

Это общеизвестные факты, и вряд ли кто-то станет сие оспаривать. Но, представьте, оспаривают! Находятся нынче такие умники из тех, что держат нос по ветру. Вот и стараются что-то очернить, а что-то, наоборот, сгладить или приукрасить.

Вот и про Гитлера одни говорят: это был ограниченный человек, следовательно, не представлял серьезной опасности для Сталина и Советского Союза. Другие утверждают: Гитлер начал войну, договорившись со Сталиным. Третьи – те вообще считают, что войну затеял не Гитлер, а Сталин.

Надо положить конец домыслам и флюгерским искривлениям. Гитлер – это хитрый, коварный, беспощадный тиран и самый опасный враг человечества. Напомню очевидный исторический факт – решение о походе против России Гитлер принял еще летом 1940-го. Об этом свидетельствуют как его собственные признания, так и высказывания соратников фюрера.

Так, 31 июля 1940 года, окончательно принимая решение о развертывании стратегических усилий на Восток, Гитлер четко и ясно высказался о намерении ликвидировать СССР. Об этом писал в своем «Военном дневнике» (Т. 2. С. 81) начальник Генерального штаба Сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер, активно участвовавший в разработке агрессивных планов против нашей страны.

Он утверждает, например, что Гитлер планировал: «Украину, Белоруссию, Прибалтику отделить к нам, то есть к Германии; к Финляндии, полагал фюрер, отойдут северо-западные районы СССР до Белого моря; одновременно была ясно обозначена не только принципиальная линия на расчленение территорий, но и самые жесткие меры по отношению к населению. Гитлер говорил, что лучшим способом замирения населения можно считать расстрел каждого, кто бросил косой взгляд на немецкого солдата. Он рекомендовал даже обеспечить полки полиции танками, а маршалу авиации Герингу дал задание – иметь на оккупированных территориях аэродромы, чтобы, в случае бунта русских, можно было самолетам взлетать и бомбить непокоренных» (Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 568).

Особо хочу обратить внимание читателя на «бюро по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства», которое возглавлял Розенберг (но фактически оно подчинялось Гиммлеру, отвечавшему за имперскую безопасность). 25 мая 1940 года последний направляет Гитлеру донесение, где проговаривает некоторые соображения «об обращении с местным населением восточных областей». Здесь, в частности, сказано: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению» (Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88). Этот документ получил высокую оценку Гитлера. Перечитывая его сегодня, нельзя отрешиться от мысли, что он, как в зеркале, отражает те тяжелейшие деформации, которые произошли с нашей Родиной в последнее десятилетие. Все, к чему стремился в свое время Гитлер, в результате чего бесславно сгинул, не добившись целей, – все это осуществилось теперь, причем без единого выстрела. Мало того, те же силы, что в свое время насильственно разваливали Советский Союз, с таким же рвением стараются не допустить ныне сближения России с Белоруссией, Украиной, Казахстаном. Они стремятся вбить клин между православием и мусульманством, между русскими и другими народами и тем самым развалить уже саму Россию. Ссылаясь на конкретные документы, историк Л. Безыменский в своей книге «Раз-

гаданные загадки третьего рейха» (с. 270–273) пишет: «План „Ост“ Гитлера предусматривал воплощение идей геноцида на территории СССР в течение 30 лет: уничтожение местного населения и германизация территории. На первом этапе планировалось поселить немцев в Прибалтике, Ленинграде и в прилегающих к нему районах, в Крыму и на юге Украины в Таврии. Надо было ликвидировать около 22 миллионов человек. В последующем германизация должна была проводиться тотально по территории СССР – до Урала включительно. Что требовало уничтожения еще 80 или 100 миллионов человек. Авторы этих „планов“, начиная с Гитлера, считали, что наш народ – это не люди, а рабы». Чем вызвано фашистское нашествие на СССР? Только полный идиот, и то лишь при определенных условиях, допустит мысль, что причиной явились действия Сталина. Поход вызван давно вынашиваемыми гитлеровским фашизмом человеко-ненавистническими планами уничтожения первого в мире советского государства, а вместе с ним всех славян, евреев, людей других национальностей, не принадлежащих к «высшей» – арийской расе, о чем постоянно твердил одержимый этой маниакальной идеей Гитлер, ставший вдруг фюрером нации. *Drang nach Osten* был обусловлен эйфорией, триумфальным успехом гитлеровской армии в Западной Европе, особенно в мае-июне 1940-го, когда Гитлер сокрушил Францию. Ведь то, что тогда произошло, в его перспективных планах намечалось только на 1943 год. Решение о походе на Восток родилось исходя из стратегического курса, взятого Гитлером на завоевание мирового господства, и из сложившейся обстановки уже к лету 1940-го. Важную роль в формировании стратегии Гитлера сыграла военно-доктринальная идеология фашистского рейха. Она базировалась на системе принципов военных и политических деятелей прошлого. Клаузевиц, Бисмарк, старший и младший Мольтке, Гинденбург – вот вдохновители немецко-фашистских захватчиков. Они всегда хотели видеть Германию великой империей, и она, разумеется, должна играть в истории главенствующую роль. Что характерно для всех перечисленных деятелей, так это громадное самомнение – оно, как устойчивый вирус, живет в немецкой нации, переходя с генами из поколения в поколение.

Особенно популярным у немцев был Бисмарк. Он остался в истории Германии как «объединитель», «первый рейхсканцлер» империи. Проведя в шестидесятых годах прошлого века реформу армии, этот человек максимально поднял военную мощь своего государства, последовательно разгромил Данию, Австрию, Францию и объединил Германию.

Гитлер вознамерился идти дальше, но из него второй Бисмарк не вышел. Ныне вторым Бисмарком стремился стать Гельмут Коль. Первую часть своей программы – объединение страны (ФРГ и ГДР) – он выполнил с помощью «лучшего немца» Горбачева, нарушившего Потсдамские соглашения. Но вот дело за реализацией замысла о единой валюте евро – придать ей силу большую, чем доллар США, пока не получилось. Но Г. Коль еще последнего слова не сказал. Так что «Великая Германия» и второй Бисмарк, возможно, еще впереди.

Естественно, в будущем настоящие европейцы какой-то особой (если не сказать больше) роли США в Европе не предусматривают. Это только пока штатники укрепляют свой престиж на европейском континенте. А со временем их отсюда, конечно, вытолкнут. Что станет началом конца мирового господства доллара. Убежден: мы с вами еще станем свидетелями этого исторически справедливого момента.

Идея захвата Советского Союза, взгляды антисоветской направленности родились у Гитлера задолго до его прихода к власти, то есть еще до 1933 года. Политолог Е. Калик в книге «Беседа Гитлера с Брауншвейгом» (1931. С. 71) пишет, что Гитлер еще в конце двадцатых – начале тридцатых годов говорил главному редактору газеты «Лейпцигер нойештерн нахрихтен»: «Мы должны смотреть фактам в глаза – Советский Союз станет в ближайшее время мощной державой и сможет захватить Германию и Европу... мы должны полностью восстановить свои позиции, пока Советский Союз не стал мировой державой...»

В 1940-м Х. Раушнинг в книге «Разговор с Гитлером» (с. 30) утверждает, что тот однозначно заявлял: «Без господства над Европой мы пропали, Германия есть Европа». Дальше шли его (Гитлера) размышления о мировом господстве.

Главного фашиста Германии нельзя назвать ограниченным человеком. Тот, кто думает так, заблуждается. Гитлер дает правильную оценку возможностям Советского Союза, с учетом социалистической системы, которая обеспечивает высокие темпы развития его экономики. В то же время он умышленно нагнетает страх на магнатов Германии: они должны активнее поддерживать гитлеровскую партию, раскошеляясь на военные нужды. Таким образом, Гитлер уже в то время планирует возможную в перспективе агрессию на Восток с целью якобы превентивных действий: не позволить Советам захватить Германию, всю Европу. Заявления Гитлера падали на благоприятную почву, находили поддержку. Придя к власти, осуществив ряд актов агрессии, он цинично заявил: «Когда начинают и ведут войну, значение имеет не право, а победа... Право же на стороне сильного» (Военный архив ГДР. Дело № 01/1582. С. 29). К лету 1940-го Гитлер со своим генералитетом был опьянен легкими победами во всех европейских военных кампаниях. 25 июня он заявил своему окружению, в том числе начальнику Штаба объединенного командования генерал-полковнику Кейтелю: «Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, поход против России был бы только военной игрой на ящике с песком» (Шпеер. 1969. С. 188). Конечно, это выглядело откровенным бахвальством, но все понятно: Гитлер был ослеплен и упоен своими победами в Европе, что характерно только для авантюриста. Фактически к июню вопрос о походе на Восток был решен. Но Гитлера беспокоила ситуация с Англией, и он предпринимает следующий маневр – 19 июня взывает к английскому правительству: «Обращаюсь в последний раз с призывом к благоразумию». Но и тут прокол! Ведь правительство Великобритании к тому времени возглавляет уже не «почти друг» Чемберлен, оказавшийся столь сговорчивым в Мюнхене (1938 год), а Черчилль. И тот отвергает предложение Гитлера о заключении компромиссного мира (Немецкий рейх и Вторая мировая война. Т. 4. С. 4). Тогда Гитлер, находясь с Англией в состоянии войны (хотя и воздушной), решается на настоящую авантюру – совершить нападение на СССР. Безусловно, это был риск, и не малый. Чем же он объяснялся? Во-первых, Гитлер и его окружение уже уверовали в то, что вермахт непобедим. Проведенные молниеносно предыдущие кампании, считали они, не везение, а закономерность. Никто, даже Франция и Польша, не смог оказать мало-мальски серьезного сопротивления. Все встали на колени! И поход против СССР непременно завершится победой! С фанфарами и барабанным боем! А достигнута она будет в самые короткие сроки. Молниеносная война – и точка. Во-вторых, полагали они, создание какой-либо коалиции государств против Германии невозможно. Между ними (даже европейцами) нет деловых контактов, способных подвинуть к военной коалиции. Каждая страна думает лишь о себе, особенно Англия, Франция и Польша. Их напрочь разделили противоречия. В условиях, когда большинство противников уже подмяты, союз между ними нельзя представить даже теоретически.

В-третьих, когда в Западной, Центральной и Северной Европе установлен «новый порядок», Англия уже не представляет существенной опасности. Наоборот, сложившаяся вокруг нее ситуация все больше станет угнетать англичан. Они вынуждены будут пойти на невыгодный для них мир. Или – вообще капитулировать.

В-четвертых, рассуждали они, нельзя исключить, что в особых условиях в поддержку Англии выступят США и СССР. Поэтому сама обстановка подводит к выводу – надо немедленно «вышибить из седла» СССР. Ведь США далеко – за океаном; там люди по природе своей изоляционисты, они не решатся воевать. К тому же у них на шее висит Япония. Реально противостоять Германии может лишь СССР. И для этого есть все: хорошо развитый промышленный потенциал, высокие темпы роста, огромные людские ресурсы, неисчерпаемые природные

богатства, наконец, мощные Вооруженные Силы и решительное, ответственное руководство, твердо проводящее свою политику.

Само существование СССР закрывало Германии путь к мировому господству. Именно это и вызывало наибольшее раздражение у Гитлера и его окружения. Они искали радикальное решение. Разгром СССР в короткие сроки представлялся им несомненным выходом из этого положения. После преодоления этих преград на пути к вожаемой цели – стать властелинами мира – уже не существовало бы трудностей.

В-пятых, лето 1940-го – время расцвета политического, экономического и особенно военного могущества Германии, что как раз и питало бредовые планы честолюбивого фюрера. Вермахт был полон сил, имел блестящий боевой опыт, прекрасное оснащение. Солдаты рвались в бой «во имя Великой Германии». На широких лезвиях их кинжалов (носили на ремне, но могли насаживать и на автомат) красовалось заносчиво-горделиво: «Аллес фюр Дойчланд» – «Всё для Германии». Так стоит ли оттягивать поход на Восток? Любая задержка даст СССР и США время и возможность повысить свой потенциал. Да и боевой пыл «храбрых солдат фюрера» может угаснуть...

В-шестых, нельзя сбрасывать со счетов, что Гитлера поддерживали основные массы немецкого народа. Он был божеством, идиолом толпы. И тому есть объяснение. Оккупированные страны грабились, и в Германию шли эшелоны с ценными грузами. Немецкому обывателю немало перепало. И это сказывалось на его психологии. Заявление Гитлера о том, что он гарантирует немцам в будущем необходимое жизненное пространство, вызывало восторг. А что кроется за этими словами, объяснить было некому: компартию фашисты разгромили, ее вождей бросили в концлагеря. Совокупность всех названных обстоятельств и объясняет, почему медлить с нападением на нашу страну Гитлер не хотел. В книге «Высшее командование вермахта», изданной уже в военное время, четко обозначено: «Для разгрома России проблема времени имеет особое значение» (Т. 1. С. 258). Больше того, мысль о необходимости как можно раньше начать войну против СССР до такой степени захватила Гитлера, что он предлагал своему генералитету начать кампанию уже осенью 1940-го. Одних это шокировало, других привело в восторг. Правда, позже, разобравшись, генералы доложили фюреру, что до начала боевых действий требуется разрешить ряд проблем. А именно: 1. Все подготовительные и основные действия войск целесообразно тщательно спланировать; довести до исполнителей. В соответствии с планом провести рекогносцировки театра военных действий. 2. Необходимо создать группировку сухопутных войск и авиации; доставить на основные стратегические направления запасы боеприпасов, горючего, продовольствия, военного имущества. 3. На главных направлениях подготовить районы развертывания пунктов управления, органов обеспечения войск. 4. Необходимо время для проведения политической, дипломатической работы, способной подготовить почву для обоснования действий Германии; создать благоприятные для этих действий условия на территории противника (забросить заблаговременно силы пятой колонны). 5. Следует учесть, что осенью во многих районах России распутица, это значительно осложняет действия войск, их мобильность. Доводы были убедительны. 21 июля 1940 года на совещании военно-политического руководства рейха Гитлер, рассматривая стратегическую обстановку в мире, отметил: Англия продолжает войну с Германией лишь по одной причине – надеется на СССР; в свою очередь, Сталин заигрывает с Англией, чтобы побудить ее продолжать войну; это, по расчетам советского вождя, должно сковать Германию, не позволить ей начать войну на Востоке. Затем Гитлер сообщил, что намерен разрешить «русскую проблему» наступлением. Исходя из этого он дал конкретные указания генералам. Следующее совещание состоялось 31 июля. Некоторые должностные лица выступили с докладами, где рассматривались все аспекты начала «большой войны». Цели ее, в общих чертах, были ясны. Гитлер одобрительно отнесся к докладам, подвел итоги и резюмировал: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю поддержку, тогда господствовать в Европе и на Балканах

будет Германия... Начало – май 1941 года. Продолжительность операции – 5 месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществлять операцию надо одним ударом. Цель операции – уничтожение жизненной силы России» (*Гальдер Ф.* Военные дневники. Т. 2. С. 80–81).

Наряду с основным планом ведения войны против СССР создавались и другие, предусматривавшие операции разного масштаба. Ставилось целью создание, прямо или косвенно, благоприятных условий для осуществления «похода на Восток». Были, например, планы вторжения на Британские острова, захват Гибралтара. Работали над планами высадки морских десантов в Югославии и Греции, на Кипре. Одержимые идеей мирового господства, Гитлер и его стратеги осуществляли эти бредовые планы, правда, пока на бумаге.

Одновременно предпринимаются «отвлекающие маневры». 12–13 ноября 1940 года в Берлине проходят советско-германские переговоры, на которые прибыл Молотов. Германская сторона запускает пробный шар: не хочет ли СССР присоединиться к «тройственному союзу» (Германия, Италия и Япония)? Несомненно, это была провокация, направленная на то, чтобы отвлечь внимание нашего руководства от военных приготовлений Германии.

Гитлер прекрасно понимал: СССР никогда не согласится с подобным предложением, никогда не станет фашистским сателлитом. И хотя советские дипломаты пообещали рассмотреть это предложение, Гитлер уже на второй день, сразу после отъезда Молотова, заявил: вопрос, мол, закрыт, возвращаться к нему не станем. Этот факт весьма показателен.

12 ноября, в день приезда Молотова в Берлин и начала переговоров, Гитлер подписал директиву «О мероприятиях Верховного командования Германии по ведению войны в ближайшее время». В ней, в частности, говорилось: «Начаты политические переговоры для выяснения позиции России на ближайшее время. Независимо от того, каковы будут результаты переговоров, следует продолжать все предпринятые ранее на основе устных распоряжений приготовления к восточному походу. Директивы по этому вопросу поступят, как только мне будут доложены и мною будут одобрены основные положения оперативного плана...» (*Губыч В.* Гитлеровское видение войны 1939–1945 годов. С. 71).

Поистине, фарисейству главарей Третьего рейха нет границ. В один и тот же день предлагать союз и тут же планировать уничтожение союзника!

Итак, Молотов отправился в Москву. А Гитлер, немедленно собрав узкий круг соратников, сообщил им: переговоры облегчили его положение, теперь можно действовать более решительно; он Советам ничего не обещал; что же касается заключенного между Германией и СССР договора, то он, фюрер, никогда не рассматривал его как «честный договор»; это «декларация» – только и всего. Существовавшая между Гитлером и Сталиным мировоззренческая пропасть – самое убедительное оправдание для разрыва этого договора. Особо памятен день 18 декабря 1940-го. Именно тогда фюрер подписал роковой для Германии документ: директиву № 21 с условным названием «Вариант Барбаросса»; суть ее – война против СССР. Что касается названия, то тут загадки нет. Император Германии Фридрих I, по прозвищу Барбаросса (Рыжебородый), правивший в XII веке, остался в истории как поработитель других народов, что, вероятно, импонировало фюреру, а главное – отвечало его устремлениям. Непонятно только, почему Гитлер не сделал для себя правильного вывода из случая, приключившегося с Фридрихом. Тот, как известно, утонул во время Третьего крестового похода. Прямо скажем, такой факт мог бы стать для его последователя дурным предзнаменованием либо предостережением. Увы. Так вот, директива № 21 пронизана идеей молниеносной войны: СССР будет разгромлен до окончания военных действий против Англии! Все, связанное с походом на Восток, подлежало сохранению в тайне. И соответствующие службы рейха, занимавшиеся соблюдением тайны и дезинформацией, свою задачу решили. Несколько слов о союзниках Гитлера. Как он сам оценивал их? Не очень-то высоко, считая, что союзные Германии части недостаточно способны к совместным с войсками вермахта действиям, поэтому участие в войне даже главных союзни-

ков – Италии и Японии – первоначально не планировалось. Например, Муссолини узнал о ней только 21 июня 1941-го, Японию же поначалу вообще решили не информировать. Впрочем, чем намеченный срок становился ближе, тем яснее окружение Гитлера, да и сам он понимал, что СССР – не Франция, не Польша, а «тот еще орешек», одними своими силами не справиться. Поэтому вскоре Финляндия и Румыния получили задачу действовать на флангах войск вермахта. В мае 1941-го была сориентирована и Венгрия: она тоже участвует в войне. Все чаще в окружении Гитлера стали говорить, что и Япония, открыв на Дальнем Востоке против СССР «второй фронт», могла бы внести свою лепту в победу рейха. Наконец, 3 июня Гитлер в беседе с японским послом «посетовал», что, возможно, германо-советской войны не избежать. Больше того, прямо намекнул – дескать, Япония могла бы вступить в эту войну. Но битые нами самураи не горели желанием снова рисковать. Их взоры были направлены на Юго-Восточную Азию, в частности на захват Сингапура. Япония, будучи себе на уме, выжидала. Окончательно дату нападения на Советский Союз Гитлер определил еще 30 апреля – в воскресенье 22 июня, на рассвете. А 14 июня он заслушивает доклады командующих группами армий, армиями и танковыми группами, командующих военно-воздушными и военно-морскими силами о готовности выполнить план «Барбаросса». Теперь фюрер уточнил время начала удара. Оно перенеслось с 3.30 на 3.00 часа. Теперь все для нападения на СССР было готово.

Таким образом, Гитлер – главный инициатор и вдохновитель Второй мировой войны. Именно он спланировал, подготовил и развязал эту самую страшную в истории человечества войну. Он виновен в гибели 58 миллионов человек. На нем вина за искалеченные судьбы сотен миллионов людей – израненных, оставшихся без крова, потерявших родных и близких, за колоссальные материальные и духовные потери. Вот почему его ненавидели и презирали народы всего мира. Но особый счет к нему у нас, советских людей, поскольку на нашей территории зверства фашистских захватчиков достигли своего апогея, а из 58 миллионов погибших более 27 миллионов – это наши советские люди.

Ни одну семью, ни один дом не обошла война. Ее раны не зажили до сих пор, хотя после нашей Великой Победы прошло уже более полувека.

Так что к фашистской Германии и персонально к ее фюреру у нас свой, особый счет. Гитлер навечно проклят теми, кто потерял в той войне отца, мать, брата или сына... Само это имя ассоциируется со смертью, жестокостью и изуверством.

И не скрою, когда мы в сорок пятом шли к Берлину, каждый из нас думал встретить Гитлера лицом к лицу и воздать ему сполна за слезы детей и матерей, за смерть близких, за разоренные города и села...

И однажды мне действительно довелось увидеться с Гитлером. Было это вскоре после капитуляции фашистов, в одном из городов Тюрингии. Наш 101-й гвардейский стрелковый полк (35-я гвардейская стрелковая дивизия) был размещен здесь, когда американцы отошли за демаркационную линию, согласно договору. Город Плауэн был разбит на три сектора, в каждом из них действовали группы разминирования, расчистки улиц от завалов. А еще они собирали оружие, бесхозную технику, случалось, задерживали подозрительных лиц. Однажды из сектора, который был подчинен мне как заместителю командира полка, вдруг раздался звонок:

- Задержали Гитлера.
- Вы что, спятили?
- Никак нет, точно Гитлер, приезжайте.

Перескакивая через три ступеньки, выскочил на улицу, прыгнул в автомобиль и помчался в комендатуру. У здания полно солдат, в коридорах – тоже. Захожу в кабинет. На меня то ли с полуулыбкой, то ли с ухмылкой смотрит Гитлер. Вдоль стены – автоматчики, готовые к действиям. Комендант доложил:

- Патрульная группа задержала вот этого немца, который пытался скрыться.

Его привели десять минут назад. Стали допрашивать, а он не признается, кто он. Отрицает, что фюрер.

Я начал его рассматривать. Ну вылитый Адольф! В жизни, конечно, я Гитлера не видел, только на газетных фотографиях – с ними сходство полное. Челка, усы, серый френч с ремнем и портупеей, брюки, заправленные в сапоги...

Что за наваждение?! Ведь всем известно – Гитлер покончил жизнь самоубийством, тело его сожжено. Откуда взялся новый?

Походив вокруг немца, я строго, но соблюдая внешнюю корректность, спросил по-немецки:

– Вы подтверждаете, что являетесь Адольфом Гитлером?

– Категорически отрицаю, я Фриц Мольке, – пролепетал пленный, а потом, помолчав, с виноватой улыбкой добавил: – У меня диабет.

– А какое это имеет отношение к выяснению вашей личности? – спросил его.

А он только повторял все с той же улыбкой:

– Я устал, хочу сесть.

Делать нечего. Я приказал подготовить комнату для задержанного. Впрочем, она уже была готова – с охраной внутри и на улице. Потом «Гитлер» дал свой адрес... Я позвонил командиру полка, изложил эту фантастическую историю, он посмеялся в трубку, сказал, что сообщит уполномоченному особого отдела – тот разберется. Прихватив лейтенанта, старшего патруля, я выехал к месту, где был задержан немец. Оказалось, это произошло возле его дома. Соседи держались со «вчерашними врагами» настороженно, но все же сказали:

– Конечно, это не Гитлер. Просто дурачится.

В одной из квартир пожилой мужчина предложил:

– Хотите, сейчас покажу вам Карла Маркса? Он живет на соседней улице.

Когда вернулись в комендатуру, оказалось, что офицер Смерша (военная контрразведка) с «Гитлером» уже разобрался. Договорился, что тот изменит внешний облик – прическу, усы, возможно, отпустит бороду, наденет другой костюм. А комендатура, учитывая его болезнь, обещала выдать своему бывшему подопечному большой запас инсулина. И отправили мы «Гитлера» в сопровождении двух солдат домой, дабы по пути его кто-нибудь вновь не захватил... Вот такая анекдотическая встреча произошла у меня с «Гитлером».

Однако через четверть века случай свел и с настоящим. Шел 1970 год. В то время я командовал 3-й ударной армией, штаб и управление которой находились в Магдебурге. Как-то приходит ко мне начальник особого отдела армии полковник Коваленко Николай Григорьевич и говорит: «Получил команду от руководства – нынче ночью отрыть ящики с расчлененным трупом Гитлера и тотчас утопить их в водоеме. Если интересно, можете поприсутствовать...» Я, естественно, отказался от такой чести, но кое-что для себя уточнил.

Оказывается, попытки адъютантов фюрера сжечь тела Гитлера и Евы Браун были безуспешны. А может, просто не хватило времени: советские части были в двух шагах от Рейхстага. Тогда полусгоревшие трупы «новобрачных» расчленили и сложили в снарядные ящики. Их 2 мая обнаружили наши особисты и вывезли в надежное место. Позже, когда была установлена демаркационная линия, ящики попали в Магдебург. Ночью во дворе дома, где работали особисты, была отрыта траншея и в нее сложили эти семь ящиков. Засыпали землей. Утрамбовали. Посеяли травку.

Прошло 25 лет. Начальники особых отделов менялись, а уходя, передавали – без документов – один другому засыпанную траншею...

На следующее утро после операции «Захоронение» я позвонил Николаю Григорьевичу – узнать, все ли благополучно. Он ответил: «Проблем не было. Ящики оказались добротными, крепкими. Утопление провели по одному из трех намеченных вариантов». Я поинтересовался, по какому именно. Больше мы к этому вопросу никогда не возвращались.

Но тогда, положив телефонную трубку, я еще долго думал... о Гитлере. Да, злодей. Да, монстр. Но ведь на протяжении двенадцати лет вел за собой Германию! Каким путем вел и к чему наконец привел – другой разговор. Какой у него был взлет! И какое падение, даже после смерти... Вот материал для серьезного исследования о роли личности в истории, о психологии толпы и массовом психозе. Вот урок для народов и политиков! Жаль только, что уроки истории быстро забываются, не идут впрок человечеству.

Еще раз всматриваюсь в прошлое – теперь от него отделяет более полувека. И в день нынешний всматриваюсь, вспоминая сказанное Гальдером в его «Военном дневнике» (с. 81). А говорил он о том, что целью фюрера было «уничтожение жизненной силы России». На пути к этой цели (следовательно, к мировому господству) погубил почти 60 миллионов человек. Семь лет вел войну в Европе, сам погиб, а Россия свою жизненную силу сохранила.

И вот через 50 лет – без единого выстрела, уже без Гитлера – цели, поставленные этим мракобесом, оказались достигнутыми. Как? Каким образом? Эти мысли мне, фронтовику, не дают покоя. Почему наша страна, разгромившая гитлеровскую Германию, спасшая мир от фашизма, победившая в той самой кровопролитной войне, капитулировала и оказалась поверженной в мирное время? Печально я смотрю на все, что творят сегодня с моей страной и моим народом. Я имею право так говорить – это право солдата, оставшегося в живых после большой войны. Горько видеть, как под убаюкивающую болтовню о «демократии» и «гласности» деградируют люди. В первую очередь из высшего эшелона власти – становятся предателями. И вот ими-то и уничтожается «жизненная сила» великой страны. Это своего рода лестница – ступенька за ступенькой: развал экономики – ограбление народа, разгул преступности – падение культуры и нравственности... Нет просвета. Такого не случалось в России за всю ее тысячелетнюю историю. Нынешним разрушителям великого Советского Союза, пожалуй, аплодировал бы сам Гитлер. Они совершили то, что ему оказалось не под силу. Чтобы оправдать себя, эти «деятели» чернят наше прошлое, бессовестно извращают историю. Подумать только, до чего додумались иные из этих новоявленных господ! Ныне людям внушают: Гитлера породил Сталин. Злобная чушь! Тех, кто все же искренне хочет знать правду истории, а не ее отражение в кривом зеркале, убедительно прошу полистать капитальный труд генерал-лейтенанта гитлеровской армии К. Типпельскирха. Последний еще до начала Второй мировой был начальником Главного разведывательного управления Генштаба сухопутных войск. Потом командовал армией, а в конце войны сдался в плен англичанам. Его книга полностью разоблачает попытки некоторых писак связать два полюса – Гитлер и Сталин. Сам Гитлер, выступая на совещании высшего генералитета накануне нападения на СССР, сказал: «Я повергну в прах Россию и этим нанесу большевизму смертельный удар. Вы с вашими армиями раздавите русского колосса, и, когда красные армии будут разбиты, тогда это государство рухнет и мир будет окончательно исцелен от большевистской идеи. Это борьба двух мировоззрений, в которую мы теперь вступаем. Мы не можем ее избежать, но мир будет нам благодарен, что мы последовали зову судьбы». Не могу не сказать читателю о своем выводе, а он на виду: эти идеи полностью совпадают с идеями Даллеса, Бжезинского и доморощенных российских псевдомократов типа Горбачева, Яковлева, Ельцина. Просто поразительно: для Гитлера, Горбачева, Яковлева и Ельцина существовал один и тот же враг – это большевики, то есть коммунисты. Вот, собственно, и все, что касается Гитлера. Теперь – о Сталине. Уже в конце войны, когда победа была совсем близка, он произнес историческую фразу: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается». Эти слова – своеобразный эпиграф ко всему тому, о чем пойдет речь ниже. Скажу сразу: несмотря на горы лжи и клеветы, буквально обрушившиеся на Сталина после его смерти, а особенно во времена Горбачева – Ельцина, память о Сталине в народе жива – это ведь не памятник, который ночью можно снести. И она, память, сейчас все больше и больше набирает силу. А по-моему, в сердцах людей она осталась навечно. Высоко и реалистично оценивали роль и личность Сталина в истории не только выдающиеся политики

мира, но и наши, советские политики, ученые, военные. О нем помнят народы мира, имя его неразрывно связано с историей СССР и других стран в течение нескольких десятилетий. Это уже не выкорчевать никому и никогда.

Да, добрая память о Сталине непоколебима. Вместе с тем нельзя отрицать просчетов, ошибок, да и жертв, часто безвинных, в годы его правления. Да, он был подозрителен. Но это – порождение арестов, ссылок, каторги, побегов. А вспомните Петра Первого! Не он ли воздвиг город на Неве на костях? Ныне же Ельцин считает этого царя своим идеалом. Что ж, величие Петра сомнений не вызывает, несмотря на огромные человеческие жертвы в пору его царствования. То же позволительно сказать и о Сталине. Как бы ни чернили его лжедемократы, он – созидатель и патриот, отдавший жизнь служению Отечеству. Таким он был, таким он и остался в памяти людей. Вот почему сегодня на демонстрации люди часто выходят с портретами Сталина.

А кто после смерти Сталина вплоть до наших дней оставил столь же глубокий след в деле строительства государства, укрепления его обороны и безопасности, системы управления, наконец? Кто? Может, Никита Сергеевич Хрущев? Однозначно – нет. «Дремучий, темный человек» – так его назвал академик Павел Федорович Юдин. Склонный к авантюризму, Хрущев, добравшись до власти, нанес стране огромный урон – политический, экономический, военный. Он лез во все сферы деятельности государства и общества. Всех учил, ничего не смыслил ни в чем. Даже давал указания художникам, как и о чем писать картины.

Хрущев люто ненавидел Сталина. По двум причинам.

Первая: тот не приближал его к себе, хотя Хрущев и танцевал для него, и на гармошке играл, и пел. Сталин считал Никиту недалеким человеком. В этой мысли он утвердился еще до войны. А во время войны, особенно в связи с харьковской эпопеей (зима 1942/43 года), окончательно понял, с кем имел дело.

Суть вопроса: после разгрома немцев в Сталинграде войска Юго-Западного фронта, как и другие, развили наступление на большую глубину; на определенном этапе Генштаб предложил временно приостановить его (растянулись коммуникации, передовые части были недостаточно оснащены). Это было очевидно для всех. За исключением члена Военного совета фронта Хрущева.

И тот обратился к Сталину: убеждал его, что нельзя останавливать наступающие войска – нанесем большой ущерб моральному духу личного состава, да и Днепр уже рядом, рукой подать! Хрущев «закрывал глаза» на то, что боеприпасы иссякли, продовольствия нет, горючее кончилось, а передовые части – «жидкие», неукомплектованные. И разве только это? Резервов нет. Фланги у фронта открыты, управление неустойчивое; базирование авиации далеко в тылу – не сможет оказать активной поддержки; тяжелая артиллерия и танки отстали. Хрущев продолжал названивать Сталину, ручаясь за победу. Возможно, на него так действовало присвоение в феврале 1943-го воинского звания «генерал-лейтенант». Но звание не давало знаний военной науки, тем более не прибавляло ума. Соблазн был большой, и Сталин согласился... Уверен, Сталин горько сожалел об этом. Ведь произошла катастрофа. Противник сосредоточил на флангах Юго-Западного фронта мощные группировки, затем ударил по тылам. Немцы захватили Харьков и Белгород, значительные силы фронта оказались в окружении. Началась трудная эпопея вывода войск из окружения. Вот такой Никита Сергеевич был полководец. Об этом случае почему-то умалчивают. Автор этих строк, будучи офицером-окопником, своими ногами топал почти до Днепра и обратно – 150 километров. Обратный путь, обходя деревни, в основном ночью, по полям и лесам. Вторая причина ненависти Хрущева к Сталину объясняется его личной трагедией. Сын Никиты Сергеевича Леонид (офицер-летчик) в начале войны, будучи в нетрезвом состоянии, застрелил товарища. Трибунал обязан был вынести приговор с учетом военного времени. Хрущев бросился к Сталину. Тот сказал, чтобы Леонида отправили на фронт – там он сможет искупить вину. На фронте Леонид по-прежнему пьет. И опять

совершает преступление. Хрущев снова идет к Сталину и в буквальном смысле на коленях, с рыданиями просит о помиловании. Сталин на этот раз неумолим. Он сказал: «Будет так, как решит трибунал». Леонида расстреляли. И Хрущев, вместо того чтобы винить в смерти сына себя – ведь он не смог вырастить и воспитать его настоящим человеком, возненавидел Сталина. Собственное горе заслонило все. Подойти же к себе критически Хрущеву не достало ни ума, ни сил, ни мужества. А то, что Никита Сергеевич затаил лютую злобу против Сталина, стало ясно сразу после смерти вождя. Прочитайте хотя бы речь Хрущева на XX партсъезде. А как он расправился с Василием Сталиным? Арестовали, судили, дали восемь лет тюрьмы – практически ни за что... Вышел Василий на свободу в 1962 году, без права проживания в Москве. И вскоре умер. Начав порочить Сталина, Хрущев первым стал расшатывать и наше государство. Он породил множество себе подобных – от Горбачева и Яковлева до Резуна. Их объединяет одно: в каждой душе изменника.

Исторические факты, как бы ни старались их толковать, остаются фактами.

Например, нарком Военно-морского флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов говорил: «... Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал неизбежной. Сталин вел подготовку к войне, широкую и разностороннюю». Верно говорил Кузнецов? Несомненно.

Правильно ли поступил Сталин? Если бы он поступил иначе, то мы были бы разгромлены.

Всеми миру известно, какая организаторская работа проведена Сталиным, особенно накануне и во время войны. А сказочные темпы восстановления после мая 1945-го? Керенский, у которого, как известно, не было оснований для симпатий ни к Советской власти, ни к Сталину, тем не менее был объективен: «Сталин поднял Россию из пепла, сделал великой державой, разгромил Гитлера, спас Россию и человечество».

О Сталине ходили легенды, именно легенды, а не анекдоты. Перескажу одну из них – военного времени.

У Сталина должны были состояться переговоры с американцами. За несколько минут до их начала вождю уже в присутствии американцев докладывают: переводчик Павлов заболел. Все засуетились. Советник посольства США в Москве Ч. Болен спрашивает у Сталина – неужели переговоры сорвутся? Болен знал, что тот может работать только со «своими» переводчиками. Сталин невозмутимо отвечает: «Работать будем». И дает команду вызвать переводчика Бережкова, но все знали – это специалист по немецкому языку. Вождю намекают на эту «деталь», а он опять невозмутимо: «Ничего, я прикажу, и он станет переводить с английского». Все буквально обалдели. Вскоре явился Бережков, на распоряжение Сталина ответил по-военному: «Есть». Сел рядом с вождем и стал блестяще переводить с английского. Американцы тарасили на него глаза, не веря своим ушам... Так они еще раз убедились, что Сталин может приказывать все, что угодно. И это будет выполнено. (Легенда представлена в книге В. Похлебкина «Великий псевдоним».)

...7 ноября 1941 года в Москве, как всегда в этот день, был военный парад, хотя фашисты находились на подступах к столице. «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. Нет сомнения, что Германия не сможет выдержать долго такого напряжения», – говорил с трибуны Мавзолея Сталин.

Я привел всего несколько фраз. А сколько в них глубины и мудрости! Сколько предвидения! Ведь все сбылось. Это ясное, безошибочное пророчество. Мы, фронтовики, были окрылены. Да что там – вся страна была окрылена. И сам факт проведения парада, и присутствие на трибуне советского вождя – несомненно, политическая пощечина Гитлеру. А ведь некоторые, начиная с Хрущева, старались и стараются по сей день опорочить Сталина; дескать, с началом

войны растерялся, на какое-то время самоустранился от управления страной, даже не выступил перед народом по радио 22 июня 1941-го, это был вынужден за него сделать Молотов. Не верьте наветам, читатель! У Сталина накануне войны развилась тяжелейшая флегмонозная ангина с температурой за 40 градусов. Представьте себе человека, которому перевалило за шестьдесят, в адском жару. Болезнь вообще могла его унести. Счастье, что он перенес испытание в часы и дни страшной опасности для страны. Но об этом, о своей болезни – никому ни слова не сказал. 22 июня на рассвете, узнав от Жукова о нападении Германии, Сталин в жару, почти без голоса, собирает Политбюро и генералитет. Он приехал в Кремль в 4.30 утра. Провел заседание, поставил конкретные задачи. А еще раньше, в 24 часа 21 июня, этот человек нашел в себе силы потребовать доклад от начальника Генштаба Жукова... Речь шла о приведении войск в приграничных военных округах в полную боевую готовность. И лишь потом, выслушав доклад и сделав нужные распоряжения, чувствуя себя крайне плохо, позволил прилечь. Но в семь утра Сталин уже в Кремле. Подписал директиву Вооруженным Силам страны об отражении агрессии. Через два часа отредактировал Указ о проведении всеобщей мобилизации. На протяжении всего дня общался с различными руководителями, отдавая необходимые распоряжения. Вот что вспоминает маршал Жуков: «Примерно в 13.00 часов 22 июня 1941 года мне позвонил Сталин и сказал: „Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика... Вам же надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым вылететь в штаб фронта в Тернополь“. Я спросил: „А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?“ Сталин ответил: „Оставьте за себя Ватутину“. Потом несколько раздраженно добавил: „Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся“». Представляете, какова сила воли этого человека – больного, находившегося в тяжелом состоянии, но ни словом, ни жестом не выдавшего себя, действовавшего в привычном ключе – точно, жестко, четко, переводя на рельсы сопротивления врагу весь гигантский маховик страны. А где растерянность, о которой столько наворочено? Ничего похожего! Сталин глубоко анализирует положение на фронте военных действий в первый же день войны, находя слабые звенья и укрепляя их. А в тот момент срочные меры на западном и юго-западном направлениях были главными. В те часы уже шли бои. Железная машина фашистов перевалила через советскую границу...

А как мыслил Сталин накануне войны?

Вот стенографическая запись, сделанная Поскребышевым во второй половине мая 1941 года на заседании Политбюро с приглашением других руководителей страны и генералитета. Сталин дал анализ военно-политической обстановки в мире. Потом заговорил о нашей готовности к отражению возможной агрессии... Вот его выступление (в сокращенном виде):

«Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. В это, конечно, трудно поверить, так как Германия ни в экономическом, ни в военном отношении сегодня к войне с Советским Союзом не готова, однако от таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам давно известно – нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке США и Англии.

Англо-американская агентура делает в Германии все, чтобы как можно скорее бросить ее на Советский Союз. Англо-американские империалисты рассматривают фашистскую Германию как ударную силу в борьбе против Советского Союза и демократического движения во всем мире. В этом мы убедились, когда анализировали политику англо-французских правящих кругов, направленную на срыв предложений о разоружении, внесенных Советским правительством в Лигу Наций, на отказ прекратить подлую провокационную политику так называемого „невмешательства“ (обратите внимание на железную логику Сталина – именно в то время он

дал характеристику политике невмешательства. – *Авт.*) Достаточно вспомнить, что накануне заключения нами договора с Германией о „ненападении“ бывший британский премьер Чемберлен, со свойственным правящим кругам Англии лицемерием, делал все от него зависящее, чтобы подставить нашу страну под удар фашистской Германии.

Во время переговоров в Москве между тремя делегациями: английской, французской и советской – об организации коллективного отпора агрессии со стороны фашистской Германии выяснилось, что английская и французская делегации умышленно затягивают переговоры и не имеют поручений от своих правительств заключать какие-либо военные соглашения о совместных действиях с Советским Союзом – в случае агрессии Германии.

В то же время мы узнали, что английское правительство, ведя переговоры с нами, одновременно ведет переговоры с Гитлером. Предлагает немцам, за нашей спиной, заключить „пакт о ненападении“ и разделить между Германией и Англией территорию Советского Союза и Китая. Суть этой политики понять несложно. Стравить в военном конфликте Германию и Советский Союз, чтобы самим стоять в стороне, и, как это свойственно англичанам, загребать жар чужими руками. Они надеются, что после взаимного истребления Германией и Советским Союзом друг друга, сохранив свои вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире. Убьют сразу двух зайцев: ликвидируют Советский Союз и устранят с мировой арены своего конкурента в борьбе за мировое господство в лице фашистской Германии. Заключенный нами в 1939 году договор с Германией сорвал эти коварные замыслы. Англо-американские политиканы, как уже бывало не раз в прошлом, например с небезызвестным планом Даллеса, пока что явно остались с носом. Если подвести итог внешнеполитической деятельности с 1931-го до начала 1941-го, то главным является то, что, несмотря на все происки англо-американского империализма, удалось избежать вовлечения Советского Союза в войну против фашистской Германии. В противном случае летом 1939-го нам бы пришлось в одиночестве вести войну на два фронта. Против фашистской Германии на западе и против открыто напавшей на нас в районе реки Халхин-Гол Японии на востоке. Теперь же – советская граница отодвинута далеко на запад, что дает нам возможность, в случае нападения, развернуть наши Вооруженные Силы и вести военные действия вдали от жизненно важных центров страны... А разгром Японии на Халхин-Голе существенно умерил пыл японских самураев, которые заключили договор с нами о нейтралитете. Заключение договора о ненападении с Германией было правильным политическим шагом с нашей стороны. Он дал необходимую передышку для лучшей подготовки страны к обороне, позволил расколоть направленный против нас мюнхенский фронт империалистов в лице Германии, Италии, Англии и Франции. И стоящих за их спинами США. В результате общего похода империалистических держав против СССР не получилось. Это главный результат. (И в этом заслуга Сталина. – *Авт.*) Чем же объяснить то обстоятельство, что Вторая мировая война началась вопреки надеждам англо-американских правящих кругов? И не нападением Германии на Советский Союз, а как схватка между империалистами? Во-первых, это объясняется объективным межимпериалистическим противостоянием, – продолжал Сталин. – Борьба монополий за рынки сбыта и источники сырья, обеспечение наивысших прибылей оказались сильнее, чем противоречия капиталистического мира со страной нового общественного и государственного строя. Англо-американский империализм не мог уступить своим конкурентам в лице Германии и Японии господства над капиталистическим миром.

Во-вторых, это объясняется тем, что правящая клика фашистской Германии не может не учитывать уроков Первой мировой войны – всячески стремится избежать действий на два фронта...

Поскольку фашисты считали, что Англия и Франция более слабый противник, чем СССР, решили начать с них. Известно, что, например, Англия к моменту нападения на нее Германии имела на Британских островах всего двадцать тысяч обученных солдат, двести пушек и пятьдесят танков.

В-третьих, если и решатся гитлеровцы напасть на Советский Союз, то сделают это лишь после того, как подчинят себе Западную Европу, поставят на службу германскому империализму все ресурсы европейских стран, коренным образом укрепив и усилив военное могущество Германии. В общем, обстановка очень сложная, и нам не следует забывать слова великого Ленина, что мы всегда от всякого нашествия „на волосок“. В то же время следует помнить, что нам необходимо трезво учитывать бешеные метания мировой буржуазии и не давать англо-американским поджигателям войны возможность загребать жар чужими руками. А теперь давайте посмотрим, как же у нас обстоят дела с подготовкой страны к обороне».

Закончив свое выступление, Сталин затем дает слово генералу армии Жукову. Тот подробно рассказал о положении каждого рода войск, заострил внимание на оборудовании возможного «театра военных действий»; вел речь о подготовке кадров. Присутствовавшие приняли живое участие в обсуждении доклада Жукова. Подводя итоги, Сталин произнес слова, актуальность которых ничуть не угасла и сегодня: «Проявляя повседневную заботу о Вооруженных Силах, мы воспитали сильную и боеспособную армию, подготовили ее к обороне – это во-первых. Во-вторых, история учит, что, когда об армии нет должной заботы и ей не оказывается моральная поддержка, появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно, что всегда приводит такую страну и такой народ к катастрофе. Армия должна пользоваться исключительной заботой, любовью народа и правительства. И в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять – в этом залог успеха, в этом залог победы» (*Жухрай М.В.* Сталин: правда и ложь. С. 44–47).

И снова горечь переполняет сердце, когда сказанное Сталиным соотношу с днем нынешним, ельцинским. О какой заботе об армии можно говорить сегодня? Президент Ельцин и председатель правительства лишь надевают фарисейские маски: они-де заботятся, переживают, они-де родные отцы солдатам. Защитники Отечества сегодня уже десять лет влачат жалкое существование. В офицерском корпусе сотни тысяч семей не имеют квартир. Военнослужащие месяцами не получают жалованья, а их жены – гарнизон есть гарнизон! – естественно, не имеют возможности где-либо работать. Семьи живут впроголодь. Офицеры или стреляются, или сотнями, тысячами увольняются из Вооруженных Сил. Например, только в 1996 году сухопутные войска покинули 17 тысяч офицеров, из них 8,5 тысячи – в возрасте до 30 лет (сравните: все училища сухопутных войск выпускают в год лишь 5,5 тысячи офицеров). А те офицеры, которые еще служат, ищут побочные заработки, подрабатывают ночными сторожами, грузчиками, монтерами... Ведь это чудовищно! Кто, когда, в какие времена мог позволить довести армию до такого постыдного положения? Царь – не мог, генсек – не мог, а «всенародно избранный» президент – не только смог, но и продолжает курс на дальнейшее уничтожение и моральное разоружение армии. Однако нельзя «человека с ружьем» унижать до бесконечности. Рано или поздно сжатая до предела пружина должна распрямиться. Заплывшая жиром элита, которой и прежде жилось отлично, измывается над армией, делает все, что предписывает ей Запад. А Запад, конечно, хочет разрушить наши Вооруженные Силы – последний оплот Отечества, и тогда путь на нашу святую землю будет открыт. Вот почему столь стремительно осуществляется программа расширения НАТО на Восток и одновременно беспредельно сокращаются наши Вооруженные Силы. И чем ближе становится НАТО к России, тем громче твердят, что никакой угрозы для России в этом нет. Но мы, прошедшие войну, как говорится, от звонка до звонка, знаем цену всем этим программам типа «Партнерство ради мира». Знаем, что, заботясь о мире, порох надо держать сухим. То есть Вооруженные Силы должны быть в образцовом порядке, в должном количестве и должном оснащении. А что у нас? Отвлечемся от тех предвоенных дней – посмотрим на себя сегодняшних. Мы допустили к руководству вначале Горбачева, затем Ельцина, развалили Советский Союз и его могучие Вооруженные Силы. Мы разрушили Варшавский договор, создав в странах Восточной Европы, как и у себя, условия для реставрации капитализма. Скажите, мы этими действиями в этой ситуации кому-либо угро-

жаем? Нет, конечно. Мы вообще вряд ли способны сейчас отстоять даже собственную независимость. Если, конечно, не применим ядерное оружие, способное возместить отсутствие нашей мощи. О чем говорить, когда солдаты – голодные? Офицеры и их семьи – тоже. «Весь ужас состоит в том, что я, как министр обороны России, становлюсь сторонним наблюдателем разрушительных процессов в армии и ничего не могу с этим поделать», – признался однажды министр обороны России И. Родионов, теперь уже бывший.

Что он мог сделать, коли не дают средств? А если и дают, то от потребности меньше половины. И далеко не своевременно. Ясно, Ельцину такое заявление не могло понравиться; прежний министр (Грачев) никогда бы подобного не посмел. Потому и был у президента «лучшим министром обороны всех времен и народов».

Любит Ельцин лжецов и холуев. А тут вдруг раскрыли истинную картину – оборона и безопасность страны доведены до нуля. К тому же НАТО расширяется, совершенствуется. В состав этого военного блока уже приняты и еще скоро будут приняты остальные страны Восточной Европы – ближайшие соседи России. Значит, границы блока вплотную приблизятся к нашему Отечеству. И военные бюджеты членов НАТО не уменьшаются.

В этих условиях впору принять самые экстренные меры по восстановлению боеготовности Вооруженных Сил. Ан нет! Ельцин начинает возню вокруг Родионова. В печати возникают фамилии кандидатов на пост министра обороны... Это приводит лишь к одному выводу: налицо предательство. Запад приближает НАТО к России, а ее президент и правительство, имитируя несогласие с этим, ничего, в сущности, не делают для укрепления обороны. Наоборот, разрушают Вооруженные Силы, не заключают договоры о взаимной помощи с Белоруссией и Украиной.

А ведь можно было предотвратить расширение НАТО в зародыше. Когда в 1993-м Ельцин был в Польше, Валенса сказал ему, что поляки намерены вступить в НАТО. Какой была реакция Ельцина? Он ответил, что это, мол, суверенное дело Польши, Россию сие не беспокоит. То есть как не беспокоит?! Военный блок НАТО с первых дней создания в 1949 году своим острием был направлен против нашего народа. И для нас безразлично, вступит ли в него соседняя Польша?

Вот тогда Ельцин обязан был поднять голос протеста. А этого не случилось. Почему? Да потому, что он предатель и холуй Запада.

Бывший министр обороны И. Родионов начинал день с поиска денег и заканчивал его – с той же головной болью. О какой боевой подготовке может идти речь? Нет боеприпасов, нет горючего. Танки не ходят, самолеты не летают, корабли не видят открытого моря. Поэтому говорить не то что о высокой – вообще о боеготовности (за исключением, возможно, ракетных войск стратегического назначения) не приходится. Такое отношение к армии – разве это не предательство? Разве непонятно, что без армии государство рухнет? А ведь именно этого и ждут на Западе.

Но... есть еще порох в пороховницах! Есть еще в нашей армии настоящие солдаты и офицеры, которые говорят: «Хватит терпеть и унижаться!» В июле 1998 года, наверное, не только российскую – всю мировую прессу обошло сенсационное сообщение о том, что майор Игорь Юрьевич Беляев в одной из воинских частей, дислоцированной в Нижегородской области, приехал за зарплатой на своем танке. Это было своеобразной акцией протеста против надругательства над нашей армией. После этого «танкового прорыва», сообщает пресса, всю задержанную зарплату военнослужащим выдали. Браво майору-храбрецу и позор режиму, который довел армию до такого состояния. И в то же время это не к лицу военному человеку, в армии таких поступков не должно быть. Но офицера вынудили к этому. И пока в армии есть майоры Беляевы, – а они есть! – думаю, Запад не дождется того момента, когда она, а вместе с ней и государство падут, не выстоят. Вернемся к разговору о Сталине. Сегодня часто приходится слышать, в том числе и от армейских товарищей, что России не хватает Сталина. Уж он бы

такого, простите, бардака не допустил – ни в армии, ни в стране. Его указания в мае 1941-го руководству страны, анализ ситуации, постановка задач – образец мышления и действий государственного человека. Прочитанная выше стенограмма – это именно его личный анализ, а не справки и заготовленные аппаратчиками ЦК партии и правительства тексты. Именно он сам, без всяких подсказок формулировал и ставил задачи каждому народному комиссару, правительству в целом, Генштабу и другим государственными органами. И все он помнил до мелочей, и спрашивал с каждого, требуя неукоснительного выполнения заданий. И все они непременно выполнялись, иначе и быть не могло, и поэтому невозможное становилось возможным. Вот как, например, Сталин ставил задачи: 1. Отвечающим за выпуск танков – одна неделя: разобраться, почему отдельные танковые заводы не выполняют план; «через неделю доложить мне лично». 2. Главному артиллерийскому управлению – тоже в недельный срок: выяснить, что нужно сделать, чтобы обеспечить артиллерию тракторной тягой. Кроме того, что требуется для немедленного запуска реактивных минометов («Катюши») в серийное производство. 3. Связь – наша ахиллесова пята. Нельзя надеяться только на наркомат связи и ВЧ наркомата внутренних дел. Необходимо немедленно заняться этим и устранить все недостатки. 4. Укрепрайоны на старой нашей границе не разукomплектовывать; на новой границе (западнее) создавать, оснащать необходимым оружием. 5. Авиация: максимально ускорить поступления в авиационные части новой техники; о выполнении докладывать еженедельно. 6. Войска ПВО: в первую очередь создать надежные прикрытия для промышленных центров. О ходе работ докладывать еженедельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.